

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Волны

«Уголокъ скромнаго купальнаго заведенія Черри на Средиземномъ морѣ, въ Віареджіо. При поднятіи занавѣса, первымъ впечатлѣніемъ зрителя должна быть сіяющая даль свѣтлаго итальянскаго утра. Безконечный видъ на море, кипящее бѣлымъ, шумнымъ прибоемъ у берега, потомъ синее, изумрудное съ фіолетовыми пятнами и, наконецъ, подъ самымъ горизонтомъ, гдѣ серѣетъ нѣсколько косыхъ латинскихъ парусовъ, оно жемчужнаго цвѣта. Глубоко въ море уходитъ большая досчатая веранда на старыхъ столбахъ, обомшеннхъ, обросшихъ черными раковинами, Передъ верандой, въ морѣ, limite – веревка на шестахъ, за которую воспрещается выходить неумеющимъ плавать...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Дѣйствующія лица	.0005
Дѣйствіе I	.0007
Дѣйствіе II	.0042
Дѣйствіе III	.0093
Дѣйствіе IV	.0136

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Волны
(В стран❖ любви)
*Комедія В 4-х д❖йствяхъ.***

Дѣйствующія лица

Вильгельмъ Александровичъ Рехтбергъ, петербуржець, на видномъ посту, 48 лѣтъ.

Маргарита Николаевна, жена его, 30 лѣтъ.

Дмитрій Владиміровичъ Лештуковъ, литераторъ, 42 лѣтъ.

Андрей Николаевичъ Ларцевъ, художникъ, 28 лѣтъ.

Кистяковъ, Леманъ молодые русскіе художники въ заграничной командировкѣ.

Берта Ивановна Рехтзамме, Амалія Карловна Фишгофъ – русскія пѣвицы на усовершенствованіи квартирныя хозяйки всей остальной русской компаніи.

Франческо д'Арбуццо (Федоръ Федоровичъ Арбузовъ), начинающій русскій пѣвецъ изъ купеческихъ сынковъ, 26 лѣтъ.

Черри, хозяинъ купальнаго заведенія, старикъ.

Альберто 27 лѣтъ, служащій у Черри.

Джулія, 19 лѣтъ, служащія у Черри.

Графъ Францъ-Марія-Августъ-Гербертъ
Кольраушъ фонъ – Грабенсдорфъ, курортный
хлыщъ изъ Вѣны.

Карабиньеръ.

Нарядная дама.

Негритенокъ.

2 горничныя.

3 факкино (носильщики).

Маттіа, камердинеръ Ларцева.

Матросъ.

Лодочникъ.

Депутатъ Пандольефи.

Джіованни, пѣвецъ.

10–15 горожанокъ.

Карабиньеръ.

Матросы, лодочники, торговцы, купальщи-
ки, купальщицы, курортная публика, всякій
народъ[1].

*Дѣйствіе происходитъ въ наше время, въ
Италіи, на купаньяхъ въ Віареджіо, на тос-
канскомъ берегу Средиземнаго моря.*

Дѣйствіе I

Уголокъ скромнаго купальнаго заведенія Черри на Средиземномъ морѣ, въ Віареджіо. При поднятіи занавѣса, первымъ впечатлѣніемъ зрителя должна быть сіяющая даль свѣтлаго итальянскаго утра. Безконечный видъ на море, кипящее бѣлымъ, шумнымъ прибоемъ у берега, потомъ синее, изумрудное съ фіолетовыми пятнами и, наконецъ, подъ самымъ горизонтомъ, гдѣ серѣтъ нѣсколько косыхъ латинскихъ парусовъ, оно жемчужнаго цвѣта. Глубоко въ море уходитъ большая досчатая веранда на старыхъ столбахъ, обомшеннхъ, обросшихъ черными раковинами, Передъ верандой, въ морѣ, limite – веревка на шестахъ, за которую воспрещается выходить неумеющимъ плавать. Веранда выступаетъ на заднемъ планѣ сцены съ правой стороны однимъ своимъ бокомъ. Отъ нея къ переднему плану ведутъ мостки, поддерживающіе короткій коридоръ между кабинъ, отъ которыхъ внизъ къ водѣ опущены лѣстнички. Публика. Видна дверца первой кабины, рѣшетчатая, крашеная зеленымъ,

завѣшанная изнутри бѣлымъ. Съ мостковъ спускается на берегъ лѣстница съ перилами. Онъ обвѣшаны простынями, купальными костюмами, полотенцами и т. д. Передній планъ справа занятъ навѣсомъ, гдѣ, подъ циновками и соломенною крышею, обвитою плющемъ, устроенъ маленькій буфетъ, съ пузатыми фіасками въ солонку, съ темными бутылками, съ грудой устрицъ, лимоновъ; тутъ же продажа раковинъ, коралловъ, морскихъ звѣрушекъ и т. д. Несколько столиковъ съ соломенными стульями старыми, порыжѣвшими. Уходъ со сцены направо — между навѣсомъ буфета и лѣстницей съ мостковъ: свободная песочная полоса, по которой бродятъ купальщицы. Слева стѣна, сплошь затянутая вьющимися розами, изъ-за нея торчатъ олеандры въ полномъ цвѣту, верхушка пальмы. Мимо стѣны два ухода со сцены налево: на первомъ планѣ, передъ рампою, и на заднемъ планѣ, у самага прибоя. Въ течете всего акта въ моръ плаваютъ, по лѣстницамъ кабинъ поднимаются и сходятъ купальщицы и купальчики. На limite то и дѣло мѣняются фигуры въ пестрыхъ купальныхъ костюмахъ.

На верандѣ, – кто въ обычныхъ лѣтнихъ костюмахъ, кто въ мохнатыхъ бѣлыхъ балахонахъ съ капюшонами. Издали несутся – живой международный говоръ, смѣхъ, всплески воды, иногда взлетаетъ столбъ брызгъ, кто-нибудь бросился въ море съ трамплина. Мѣрный, величественный, мягкій, ласкающій шумъ прибоя раздается все время. При поднятіи занавѣса Черри одиноко дремлетъ на стулѣ у своего буфета. Леманъ и Кистяковъ, въ бѣлыхъ балахонахъ и веревочныхъ туфляхъ, лежатъ на пескѣ въ глубинѣ сцены, у прибоя.

Кистяковъ. Ну и волны сегодня, послѣ бури. Ну, и море!

Леманъ. Температура настоящая. Жжетъ!

Кистяковъ. Массажъ, а не вода. Спину чешетъ и шерсть со шкуры сводитъ.

Леманъ. Это Маргарита Николаевна тамъ у каната?

Кистяковъ. Въ голубомъ беретъ? Она.

Леманъ. То-то итальяшки кругомъ вьются. Словно мухи на медъ.

Кистяковъ. Вкусная!

Леманъ. Лештукова нѣту, вотъ она и красуется.

Кистяковъ. Отчего не красоваться, коли Богъ красоту далъ?

Леманъ. Лештукова жаль. Спутала она его.

Кистяковъ. Чего жалѣть? Не мужъ! Да, кажется, покуда еще и не любовникъ.

Леманъ. Влюбленъ ужъ очень. Мучится.

Кистяковъ. А, не люби чужую жену.

Леманъ. Кокетка она.

Кистяковъ. Грѣшный человекъ, не охотникъ я до подобныхъ дамъ. Попадись на крючокъ, — замытарить. Ядъ для нашего брата, артиста. Лештуковъ зачѣмъ въ Віареджіо пріѣхалъ? На покоѣ романъ писать. А что за два мѣсяца написалъ? Видѣли мы.

Леманъ. Мало?

Кистяковъ. Немного. «Въ прекрасный апрѣльскій день, по солнечной сторонѣ Невскаго», — и аминь. И ниже профиль Маргариты Николаевны, да росчерки: Лештуковъ, Лештуковъ, Лештуковъ.

Леманъ. Грустно! Талантъ вѣдь.

Кистяковъ. Бѣда съ этими старѣющими знаменитостями. Публикою набалованъ, ба-

бами набалованъ, деньга въ карманъ плыветь, славою, можно сказать, облопался, нѣтъ, всего мало, бѣсится съ жиру. Подавай ему идеальныхъ чувствъ, пламенныхъ страстей и неизвѣстныхъ ощущеній. Баловники!

Леманъ. Да ужъ хоть бы искалъ-то, въ комъ слѣдуетъ, а то...

Кистяковъ. Вотъ это и удивительно у нихъ, господъ беллетристовъ. Кажется, всю жизнь только тѣмъ и занимаются, что описываютъ всевозможныхъ влюбленныхъ дураковъ. Съ тонкостями такими: анализъ, психологія, фу ты, Боже мой! А угораздить самого врѣзаться, вотъ какъ нашего Дмитрія Владимировича, — глядь: великій психологъ нашъ оказывается мальчишка — мальчишкою, наивнѣе всѣхъ своихъ героевъ и слѣпъ, какъ кротъ.

Леманъ. У Ларцева былъ?

Кистяковъ. Былъ. Вотъ этотъ подъ башмакъ не попадетъ. Рабочій чортъ. Здорово его «Миньона» въ ходъ пошла. Гляди, опять медаль хватить.

Леманъ. Да въдь и натурщицу же ему Господъ послалъ. Красивѣе Джуліи, хоть всю Тос-

кану обыщи не отыщешь. Съ этакой модели какъ не писать.

Кистяковъ. Модель моделью, а нѣтъ, тутъ и свое. Силища въ немъ. Самъ себя не понимаетъ, каковъ онъ слонъ, вотъ что.

Лештуковъ, въ очень изящномъ и даже черзчуръ молодомъ для его лѣтъ и крупной фигуры, лѣтнемъ костюмѣ, входитъ слѣва, мимо стѣны.

Лештуковъ. Дмитрію Владимировичу!

Кистяковъ. Наше російское!

Лештуковъ. Здравствуйте, господа.

Леманъ. Къ намъ? въ волны?

Лештуковъ. Нѣтъ, Богъ съ ними! Надоѣло. Что это море раздѣливало сегодня на зарѣ, вы и вообразить не можете. Вѣдь вы, конечно, по обыкновенію, проспали часовъ 14 сномъ праведника, на одномъ боку?

Леманъ. А вы, конечно, по обыкновенію, изволили блуждать всю ночь безсонною тѣнью?

Кистяковъ. Нечего сказать, хорошо выглядите вы сегодня.

Лештуковъ. А что? Безобразенъ?

Кистяковъ. Нѣтъ, нельзя сказать, довольно даже интересенъ. Ежели показать барышнѣ съ чувствами, будетъ тронута: Гамлета, принца датскаго, хоть отбавляй. Только знаете что? Полечиться бы вамъ отъ бессонницы. А то дѣло на малярію смахиваетъ.

Леманъ. Розовые тона, милый, лучше всего.

Лештуковъ. Отъ чего лечиться? Я здоровъ. Да и сплю совсѣмъ ужъ не такъ мало.

Кистяковъ. Знаемъ мы, какъ вы спите, по фіаскѣ кіанти на ночь дуετε. Смотрите: печенка лопнетъ.

Лештуковъ. Выдержатъ! А кстати о кіанти. Смотрите, оно здѣсь у Черри отличное. И сифонъ, и ледъ, и коньякъ... все, что требуется по нашему положенію... Займемъ мѣста, господа.

Черри подаетъ коньякъ, рюмки, бисквиты.

Леманъ. Это съ утра-то?

Кистяковъ. Да и некогда: домой, къ завтраку время.

Лештуковъ. Нѣтъ, я видѣлъ: Маргарита Николаевна только-что вышла изъ воды. Часъ на туалетъ...

Кистяковъ. Да вѣдь и намъ одѣться надо.

Лештуковъ. Ну, какъ хотите.

На морѣ давно уже видно лодку, въ которой сидитъ Ларцевъ на руль и Альберто на веслахъ. Ихъ сильно качаетъ. Къ словамъ Кистякова «одѣться надо», они у берега.

Ларцевъ (*изъ лодки*). Я выпью.

Костюмъ Альберто: старая синяя фуфайка-безрукавка, с якоремъ на груди, штаны, за-сученные по колѣно, матерчатый желтый поясъ, босой.

Кистяковъ. Вотъ вамъ и компаніонъ.

Леманъ. Андрикъ!

Лештуковъ. Нашъ милѣйшій Андреа дель Сар.

Ларцевъ (*выпрыгнулъ изъ лодки, подходитъ*). Милое, но мокрое созданіе. Фу, какъ насъ съ Альберто швыряло въ морѣ. На дворѣ

жара, а я, право, даже продрогъ. Дайте коньяку.

Леманъ. Этюды дѣлалъ?

Ларцевъ. Какіе къ чорту этюды, когда лодку валяетъ съ волны на волну, точно баба пирогъ загинаетъ. Вымокли только и всего. Во здравіе всей честной компаніи. *Пьетъ.*

Альберто, оставаясь по щиколотку въ водѣ, управляется у берега съ лодкою, прислоняетъ весла къ лѣстницѣ на веранду, затѣмъ уходитъ по морю къ limite, гдѣ его шумно привѣтствуютъ; онъ показываетъ купальщикамъ, какъ надо плавать и т. д., вообще онъ все время виденъ въ морѣ.

Лештуковъ. Какъ поживаетъ Миньона?

Ларцевъ. Двигается, быстро двигается. Да что, батюшка, я признаться, въ большой тревоги.

Леманъ. Что такое?

Ларцевъ. Джулію у меня отобрать хотятъ.

Кистяковъ. Какъ такъ?

Ларцевъ. Вонъ этотъ соколикъ.

Лештуковъ. Ревность?

Ларцевъ. Самая нелѣпая.

Кистяковъ. Да признавайся ужъ по чистой правдѣ: у тебя съ этой Джуліей въ самомъ дѣлѣ чисто или только хорошо прячетесь?

Ларцевъ. Увѣряю васъ, нѣтъ.

Леманъ. То есть, какъ есть ничего, ни-ни?

Ларцевъ. Вотъ именно ни-ни.

Кистяковъ. Можетъ быть, маленькій флиртъ?

Ларцевъ. И флирта никакого не было.

Лештуковъ. Напрасно.

Ларцевъ. Вотъ тебѣ разъ! Почему же?

Лештуковъ. Да ужъ очень вы красивая парочка крайностей. Она воплощенный югъ, молодой, сильный, огненный... вотъ съ этимъ солнцемъ, что выращиваетъ эти пламенные цвѣты, съ этимъ вѣяніемъ ароматовъ, подъ которымъ, кромѣ любви, и думать-то ни о чемъ невозможно...

Леманъ. Климатъ располагающій.

Кистяковъ. Страна любви.

Идетъ на веранду. Съ лѣстницы Леману.

Ты однако не разсиживайся. Въ самомъ дѣлѣ поздно. Запрусь въ кабинетъ, не отопру.

Леманъ. Сейчасъ.

Лештуковъ (декламируетъ). Темны и тихи
были очи,

*Какъ полночь южная сама,
Но всѣми звѣздами полночи
Горѣла ярко эта тьма.*

У вашей Джуліи такіе глаза. Вѣдь правда?

Ларцевъ. Да, оно, точно, глаза забористые.

Кистяковъ (изъ кабины). Леманъ!

Леманъ. Да, иду. Фу, чортъ!

Уходитъ подъ лѣстницу веранды; видно, какъ онъ, подобравъ полы балахона, поднимается въ кабину по опускающей лѣстницѣ.

Лештуковъ. А вы, Ларцевъ, сѣверъ. Если доживете до карнавала въ Римъ, нарядитесь-ка рыжебородымъ Торомъ. А? Плечища у васъ косая сажень, волосъ больше, чѣмъ полагается даже для художника, бороду вы украли у Рубенса, а за симъ, какъ пишутъ въ паспортахъ, примѣтъ особыхъ нѣтъ, лицо чистое, носъ и ротъ обыкновенные.

Ларцевъ. Что вы разбираете меня по ста-

тъямъ, какъ коня призового? Въ романъ, что ли, всунуть хотите?

Лештуковъ. Не знаю. Можетъ быть, и въ романъ. Чѣмъ вы не герой романа? Кстати у васъ вонъ и сюжетъ наклевывается. Рыжебородый Торъ и Миньона! Транзальпинскій варваръ, явившійся покорять прекрасную Италию, и прекрасная Италиа, весьма желающая быть покоренною.

Ларцевъ. Вы ошибаетесь, я вовсе не собираюсь покорять. По правдѣ сказать, Джулія мнѣ вовсе не нравится. Она для картины хороша, подъ мысль мою подошла. А какъ женщина – она не въ моемъ вкусь.

Лештуковъ. Джулія? Не въ вашемъ вкусь? И вы смѣете признаваться? Вы? Художникъ? Она красавица, по всѣмъ правиламъ искусства красавица. Если она вамъ не нравится, вы измѣняете девизу вашего цеха. По-настоящему, вы, художники, должны чувствовать себя въ жизни такъ, какъ мы, грѣшные, чувствуемъ себя только въ музеяхъ. Вы обязаны ловить красоту повсюду, хватать ее живьемъ, налету, вѣчно стоять на ея стражъ... Вы хотѣли что-то сказать?

Ларцевъ. Нѣтъ, ничего. Посторонняя мысль...

Лештуковъ. Вы еще очень молоды. Ваше лицо можно читать, какъ развернутую книгу. А это нехорошо. Вѣка, когда глазамъ полагось быть зеркаломъ души, давно минули. Хотите, я назову вамъ вашу постороннюю мысль. Вѣдь она обо мнѣ была?

Ларцевъ. Ужъ если вы такой проникательный, то да. Мнѣ хотѣлось сказать: какъ же вы сами-то, такой цѣнителъ и поклонникъ истинной красоты, равнодушны къ ея прелестямъ...

Лештуковъ. Договаривайте... И лежитъ безсильнымъ рабомъ у ногъ хорошенькой интернаціональной барыньки...

Ларцевъ (сконфуженный). Оставьте, пожалуйста. Я слишкомъ уважаю Маргариту Николаевну, чтобы...

Лештуковъ. Что же? Вы правы. Логики мало. А только, милый мой юноша, не судите, да не судимы будете.

Ларцевъ. Да я и не думалъ.

Лештуковъ. Есть въ жизни законъ возмездія. Кто, какъ я, черезчуръ легко про-

жилъ жизнь, попадаетъ подъ этотъ законъ тамъ, гдѣ не ожидаетъ. Привычка быть любимымъ мститъ за себя. Много серьезныхъ чувствъ обращалъ я въ игрушки для пріятнаго препровожденія времени. И вотъ игрушки отомстили за себя, и я самъ теперь игрушка.

На верандѣ хохотъ, шумный разговоръ. Джулія, съ цѣлымъ ворохомъ чистаго бѣлья, быстро сбѣгаетъ внизъ по лѣстницѣ. Графъ Кольраушъ фонъ Грабенсдорфъ, типичный пшютъ венскаго пошиба, немного слабый на ногахъ, слѣдуетъ за нею.

Джулія. Нѣтъ, Нѣтъ, Нѣтъ! Нѣтъ, ваше сіятельство.

Графъ. Одинъ поцѣлуй.

Джулія. Поцѣлуй? Мадонна santissima! Да вы разбойникъ, графъ! Вы бѣсъ! Вы донъ-Джованни!

Графъ. Всегда жестока.

Лештуковъ. И этотъ туда же, со своей наслѣдственной золотухою.

Ларцевъ. Сколько народа увивается за этою дѣвчонкою уму непостижимо.

Джулія. Оставьте, графъ, въ самомъ дѣлѣ. Альберто увидитъ. Нехорошо. Вѣдь я почти невѣста.

Графъ. О, Альберто. Я не боюсь Альберто.

Джулія. А не Альберто, такъ ваша же вы ползеть... Крашенная. Какъ тамъ ее? Фу, шикъ дама! Волосы какъ огонь! Каблуки у ботинокъ вотъ! Шляпа вотъ! цвѣты на шляпѣ вотъ! Прелесть, что за женщина! А вы хотите ей измѣнить? *Хохочетъ.*

Графъ. Джулія, вы ангель!

Джулія. А достанется вамъ отъ нея! вотъ достанется!

На верандѣ, показывается величественная дама; тощій негритенокъ несетъ за нею корзину съ простынею и мантилью.

Осторожнѣе, вы. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ идетъ.

Графъ (который въ это время едва не поцѣловалъ Джулію). О Іезусъ!

Убѣгаетъ налѣво. Дама съ негритенкомъ столь же величественно протекаетъ вслѣдъ

ему, мимо Джулії, окинувъ ее молнієноснымъ взглядомъ. Джулія, закусивъ губы, рьяно развѣшиваетъ бѣлье на веревку у перилъ. Но, когда дама уже прошла мимо, заливається смѣхомъ, пряча лицо въ простыню, повышенную на веревкѣ.

Лештуковъ. Счастливица! Глядѣть на нее – самому становится весело и молодо. Вотъ кто любить жизнь и кого жизнь любитъ. Смѣхъ-то, смѣхъ! Жемчугъ падаетъ.

Джулія. Добрый день, синьоръ Деметріо. Добрый день, синьоръ Андреа.

Къ Лештукову.

Синьора Маргарита уже почти готова.

Лештуковъ. Ага! (*Ларцеву*). Значить, до свиданія за завтракомъ.

Бѣжитъ вверхъ по лѣстницѣ.

Въ теченіе слѣдующей сцены онъ то на верандѣ, то въ корридорѣ у кабины съ зеленою рѣшеткою, то на верхнихъ ступеняхъ

лѣстницы, все время, съ видомъ нетерпѣливаго ожиданія.

Ларцевъ. Да я, пожалуй, вмѣстѣ съ вами.

Привсталъ, чтобы идти. Джулія быстро очутилась подлѣ него. Онъ взглянулъ на нее, усмѣхнулся и опять сѣлъ на мѣсто.

Джулія. У васъ сегодня цвѣтокъ, синьоръ?

Ларцевъ. Угодно?

Джулія. Благодарю. Какая прелесть! Это отъ дамы?

Ларцевъ. Нѣтъ, вонъ съ этой изгороди.

Джулія. Благодарю, благодарю, отъ всего сердца благодарю, синьоръ.

Ларцевъ. Когда ваша свадьба, Джулія?

Джулія. Свадьба, синьоръ? До свадьбы далеко.

Ларцевъ. Вотъ какъ? А я, признаться, думалъ, что у васъ съ Альберто уже все слажено.

Джулія. Альберто добрый малый, синьоръ, но, чтобы идти за него замужъ... Нѣтъ, синьоръ, я еще подумаю и много подумаю.

Ларцевъ. Смотрите: не продумайте своего счастья.

Джулія. О, я имѣю право ждать... Вы, можете быть, думаете, что я безприданница, синьоръ?

Ларцевъ. Милліоновъ Ротшильда у васъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ.

Джулія. Но, право, очень кругленькая сумма въ городскомъ банкѣ, синьоръ. Конечно, по нашимъ здѣшнимъ понятіямъ: что скопила, услуживая дамамъ при купальняхъ. Я отношу на текущій счетъ всѣ мои сбереженія, синьоръ, каждую субботу. И всегда золотомъ.

Ларцевъ. Такъ что вы сдѣлаете своего будущего мужа маленькимъ капиталистомъ?

Джулія. Ну, ужъ нѣтъ! Только мужемъ. Довольно съ него и этого удовольствія. Конечно, если я выйду замужъ здѣсь, въ Віареджіо.

Ларцевъ. А вы не прочь бы увидать свѣтъ и дальше?

Джулія. Какъ знать судьбу, синьоръ? Кто можетъ предчувствовать, куда тебя броситъ будущее и съ кѣмъ. Я вѣдь мечтательница. Вѣрите ли? Когда моя служба кончается, купальни закрыты, ночь надъ землею и пусто

на берегу, я часто прихожу сюда на веранду и сижу одна, одна... Море и небо кругомъ, небо и море... И звѣзды... Огромныя, зеленыя звѣзды. Вотъ Большая медвѣдица, вотъ Вега, вотъ Полярная звѣзда. Она водить по свѣту путешественниковъ, и мореплавателей. Это и ваша звѣзда, синьоръ, потому что вы тоже путешественникъ. Она моя любимая, синьоръ. Найду ее на небѣ, да такъ ужъ больше съ нею и не расстаюсь. Тянетъ она меня къ себѣ, манить. Только позови, только прикажи.

Робко и выжидательно смотритъ на Ларцева.

Ларцевъ. Знаете ли, что я вамъ посоветую, Джулія? Поискали бы вы, вмѣсто звѣзды полярной, какую-нибудь звѣздочку поближе къ себѣ. Здѣсь они у васъ привѣтнѣе и свѣтлѣе сіяютъ.

Джулія (блѣднѣетъ, въ голосъ ея звучитъ горькая обида). О, синьоръ. Я сама знаю, что это мечты, только мечты. Что со мной будетъ, угадать легко... Выйду замужъ за булочника или бакалейщика, откроемъ торговлю или

таверну. Ха-ха-ха! только мужу въ руки дѣла не дамъ. Что мое, что твое, все оговорю въ свадебномъ контрактѣ. Нарочно въ Пизу поѣду, оттуда адвоката привезу.

Ларцевъ. Какъ я люблю, Джулія, когда вы смѣетесь. Такъ бы васъ все и рисоваль...

Джулія. Да?

Ларцевъ. Смерть какъ люблю. Ну, еще, ха-ха-ха! Этакое вы радостное утро!

Джулія. Любите?

Ларцевъ. Да какъ же васъ не любить? А въ особенности мнѣ?

Лештуковъ въ это время вверху лѣстницы сидитъ на перилахъ.

Джулія (закрываетъ глаза). Говорите, говорите...

Ларцевъ. Вѣдь вы, прямо сказать, благодѣтельница моя. Не повстрѣчай я васъ, что бы стало съ моею «Миньоной».

Джулія (открывая глаза, упавшимъ голосомъ). Ахъ да!.. Съ «Миньоной»!

Маргарита Николаевна выходитъ изъ каби-

ны съ рѣшетчатой дверью, здороваётся съ Лештуковымъ, и оба опускаются внизъ по лѣстницѣ.

Маргарита Николаевна. Домой, домой! Къ завтраку и какъ можно скорѣй. Я, какъ вашъ Ларцевъ говорить, «проплавалась и въ appetite». А, да вотъ онъ самъ... съ Джуліей.

Лештуковъ (смѣется). Парочка.

Маргарита Николаевна (любопытно смотритъ на Ларцева, потомъ съ гримасою). Удивляюсь Джуліи: онъ слишкомъ блондинъ.

Ларцевъ (кланяясь издали). Маргарита Николаевна! И наконецъ-то, кажется, въ духъ?

Продолжаетъ разговоръ съ Джуліей.

Лештуковъ. Хвала небесамъ: выглянуло солнышко.

Маргарита Николаевна. А вамъ такъ скучно было его ждать? Такъ вы бы не дожидались, ушли.

Лештуковъ. Зачѣмъ? Я вѣдь знаю, что послѣ ненастья солнышко свѣтлѣе свѣтитъ, теплѣе грѣетъ и краше выглядить. Ненастье

дѣло преходящее.

Маргарита Николаевна. Однако, знаете: день ненастья день изъ жизни насмарку. Развѣ у васъ ихъ такъ много въ запасъ?

Лештуковъ молча снялъ шляпу и склоняетъ передъ Маргаритой Николаевной голову, уже замѣтно сѣдѣющую.

Маргарита Николаевна. Вотъ видите: снѣга довольно. Вамъ пора цѣнить погожіе дни на вѣсь золота, а вы льнете къ ненастью.

Лештуковъ (принялъ шутливо театральную позу и, указывая на рядъ парусовъ, серѣющихъ на горизонтѣ, декламируетъ трагически).

*Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.*

Кистяковъ и Леманъ, въ лѣтнихъ фланелевыхъ костюмахъ, сходятъ по лѣстницѣ. Группа въ глубинѣ сцены – у развѣшаннаго бѣлья – Джулія, Ларцевъ, Кистяковъ, Леманъ.

Маргарита Николаевна. Ахъ, пожалуйста, не пугайте меня стихами. Я ихъ боюсь. Какія тамъ бури! Просто сѣренькій, кислый, дробный, сѣверный дождикъ, неизвѣстно зачѣмъ заплывшій подъ это чудесное небо. Я хандрю, а вы мнѣ аккомпанируете. Это дѣлаетъ честь вашей любезности, но не дѣлаетъ чести вашему вкусу. Если бы я еще, въ самомъ дѣлѣ, была способна на какую-нибудь бурю... Но семидневный дождикъ – брррр!

Лештуковъ. Ничего, я съ зонтикомъ.

Маргарита Николаевна. И съ пресквернымъ. Вижу, вижу вашъ столикъ. Коньячная порція уже принята.

Въ группѣ на заднемъ планѣ, хохотъ. Кистяковъ комически преклоняешь передъ Джуліей колѣна: Леманъ изображаетъ, будто играетъ на мандолинѣ. Джулія, смѣясь, бьетъ ихъ полотенцемъ. Ларцевъ вынулъ альбомъ и быстро зарисовываетъ сцену.

Лештуковъ. Въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Маргарита Николаевна. Работали бы луч-

ше.

Лештуковъ. Увы, нельзя служить сразу двумъ богамъ.

Маргарита Николаевна. То есть?

Лештуковъ. Вамъ и литературъ.

Маргарита Николаевна. Какъ это лестно для меня. Но позвольте: два мѣсяца тому назадъ, при первыхъ нашихъ встрѣчахъ, вы меня увѣрили, что я открываю вамъ новые горизонты, что я ваше вдохновеніе, въ нѣкоторомъ родѣ суррогатъ музы. И вдругъ...

Лештуковъ. Вы вотъ стиховъ не любите. А вѣдь за мною въ этомъ случаѣ какой адвокатъ-то стоитъ: самъ Пушкинъ!

Маргарита Николаевна. Пушкинъ? Пушкинъ это старо, говорила одна моя подруга. Но у меня слабость къ умнымъ старикамъ. Что же говоритъ Пушкинъ?

Лештуковъ (декламируетъ). Любя, я былъ и глупъ, и нѣмъ...

Маргарита Николаевна. Конечно, если ужъ самъ Пушкинъ.

Лештуковъ.

Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ,

Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму пѣсенъ въ двадцать пять.

Ларцевъ, взглянувъ на часы, показываетъ товарищамъ время. Затѣмъ всѣ дружески жмутъ Джуліи руку и уходятъ направо по spiaggia.

Маргарита Николаевна (смѣется). Вы сегодня тоже въ духѣ и дурачитесь. Но это лучше; чѣмъ...

Выразительно киваетъ на столикъ съ виномъ.

А все-таки исправьтесь.

Лештуковъ. Совсѣмъ прикажете исправиться? Такъ, чтобы начать «поэму пѣсенъ въ двадцать пять».

Маргарита Николаевна. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не надо. А слегка, немножко... Ну, хоть на столько, чтобы не смотрѣть на меня такими выразительными глазами... Вѣдь это

не глаза, а вывѣска, на которой любой прохожій прочтетъ: «Лештуковъ и Рехтбергъ. Патентованная фабрика всеобъемлющей любви по гробъ».

Лештуковъ (*съ кривою усмѣшкою*). Безъ отпуса, ни оптомъ, ни въ розницу.

Маргарита Николаевна (*быстро оглядѣвшись*). Жалуешься?

Лештуковъ (*молчитъ*). Маргарита Николаевна. Да развѣ я ужъ такая злая?

Лештуковъ (*насильственно улыбается*). Хоть мучь, да люби!

Лицо Маргариты Николаевны вдругъ все задрожало и поблѣднѣло, глаза затуманились и заискрились, губы сложились въ странную гримасу – и ласковую, и хищную. Она тяжело налегла на руку Лештукова и на мгновеніе прильнула къ нему.

Маргарита Николаевна. Милый вы... милый мой

Лештуковъ. Маргарита!..

Маргарита Николаевна (*отшатнулась отъ него; голосомъ совершенно спокойнымъ и*

съ совершенно спокойнымъ лицомъ). Пожалуйста, пожалуйста... не дѣлайте дикихъ глазъ и воздержитесь отъ декламаціи. Мы на улицѣ, и я ничуть не желаю, чтобы насъ приняи за только-что обвѣнчанныхъ новобрачныхъ.

Со смѣхомъ уходитъ нальво.

Джулія, одна, выжимаетъ мокрые костюмы и ворчитъ про себя.

Джулія. «Миньона». Все картина. Вѣчно о картинѣ. Не понимаю. Такъ любить картину, когда... Да вѣдь вотъ она – я, Миньона его. Мой портретъ вотъ и вся его картина. Чудакъ!

Альберто выходитъ изъ моря, садится на бортъ лодки, закуриваетъ трубочку и смотритъ на Джулію, посвистывая съ угрюмымъ видомъ.

Джулія. Ты долго ѣздилъ сегодня. Много заплатилъ тебѣ синьоръ Андреа?

Альберто. По обыкновенно, двѣ лиры. От-

куда у тебя эта роза?

Джулія. Да онъ же даль, синьоръ Андреа.

Альберто. Дай-ка мнѣ.

Джулія. Изволь!

Альберто взявъ розу, понюхалъ, повертѣлъ въ рукахъ и швырнулъ далеко въ море.

Джулія (вспыхнувъ). Ты я вижу, опять сбѣсился?

Альберто. Эй, Джулія, берегись! У меня глаза есть.

Джулія. А у меня есть руки, чтобы глаза твои выцарапать. Право, хоть бы знать: откуда ты взялъ власть надо мною? Я тебѣ сказала: что дальше будетъ, посмотримъ, а покуда ты мнѣ ни мужъ, ни женихъ, ни любовникъ, и я дѣлаю, что хочу.

Альберто. Хорошихъ дѣлъ ты хочешь. Ты думаешь, я не вижу, къ чему ты ведешь? Молодая ты дѣвчонка, а заvertѣться хочешь. Ну, да ладно, — этому не бывать. Ты къ нему позировать больше не пойдешь.

Джулія. Вотъ какъ! значить, ты мнѣ запретишь?

Альберто. Не тебѣ, а ему.

Джулія. Ты, Альберто, кажется, воображаешь, будто ты одинъ мужчина на свѣтѣ, а остальные всѣ бабы и тряпки. Прикрикнешь ты на нихъ, и они спрячутся по угламъ и все сдѣлаютъ по-твоему. Запрещать такому человѣку, какъ синьоръ Андреа, легко на словахъ...

Альберто. Ты увидишь, ты увидишь.

Джулія. И ты думаешь, онъ тебя послушаетъ?

Альберто. Послушаетъ, если...

Джулія. Ну?

Альберто. Если живъ быть хочетъ.

Джулія. Э... угрозы? Вотъ что!.. Такъ знай же ты, мой любезный, что послушаетъ тебя синьоръ Андреа, или не послушаетъ, мнѣ дѣла нѣтъ. Я, слышишь ты, я, а не онъ хочу, чтобы онъ рисовалъ меня. Я хочу быть на его картинѣ. Хочу, чтобы меня видѣли въ Римѣ и въ Россіи, и на всемъ бѣломъ свѣтѣ, чтобы всѣ знали, что была такая дѣвушка, какъ я... такая красивая! И ты въ это дѣло не мѣшайся, говорю тебѣ. Слышалъ?

Съ вызовомъ смотритъ на него, потомъ, рѣзко повернувшись, гордою, медленною походкою поднимается на лѣстницу веранды.

Альберто. Слышалъ. Мое дѣло предупредить, а послушать или нѣтъ ваше.

Ларцевъ, Кистяковъ и Леманъ переходятъ глубину сцены отъ spiaggia.

Альберто (*пропустивъ мимо своя Кистякова и Лемана, остановилъ Ларцева*). Синьоръ Андреа, я желалъ бы сказать вамъ несколько словъ.

Ларцевъ. Вы какъ будто разстроены? Надѣюсь, не случилось никакой бѣды?

Альберто. Видите ли, синьоръ, я много доволенъ вами. Вы щедры, господинъ, и даете хорошо зарабатывать бѣдному человѣку.

Ларцевъ. Безъ предисловій, Альберто. Въ чемъ дѣло?

Альберто. Дѣло простое, синьоръ. Зачѣмъ вы сбиваете съ пути Джулію?

Ларцевъ. Я? сбиваю Джулію съ пути? Альберто! Какъ вы смѣете задавать мнѣ такіе во-

просы?

Альберто. Простите, синьоръ. Конечно, я помню разстояніе между нами. Но когда рѣчь идетъ о моей невѣстѣ...

Ларцевъ. Джулія ваша невѣста? Давно ли?

Альберто. Я посватался къ ней въ день Троицы.

Ларцевъ. И она приняла ваше предложеніе?

Альберто. Нѣтъ, не хочу лгать. Она не сказала мнѣ ни да, ни нѣтъ. Сказала: подожди, а я подумаю... Она вѣдь еще такъ молода, синьоръ. Но она скажетъ да, синьоръ, клянусь вамъ, что скажетъ... если только... если...

Ларцевъ. По вашей выразительной фізіономіи легко догадаться, что значить это если. Успокойтесь. Мнѣ столько же дѣла до вашей Джуліи, какъ вонъ до той волны. Она красивая дѣвушка. Я художникъ. Вотъ теперь затѣялъ писать «Миньону»: вы вѣдь, кажется, были у меня въ мастерской, видѣли?.. Болѣе подходящей модели, чѣмъ Джулія, я представить себѣ не могу. Я натурщицъ десять перемѣнилъ, пока не нашель. Затѣмъ, у насъ съ Джуліей точно такія отношенія, какъ съ

вами. Вы возите меня въ лодкѣ по морю это доставляетъ мнѣ удовольствіе, я вамъ плачу. Джулія позируетъ для меня часъ другой, это полезно моей картинѣ,— я плачу. Вотъ и все.

Альберто. Все это такъ, синьоръ. Я и самъ полагалъ, что такой прекрасный господинъ не захочетъ ставить ловушку бѣдной дѣвушкѣ. Но вѣдь вотъ оказія. Вы, я вамъ вѣрю, вы ничего не хотите дурного, синьоръ, а дѣвка-то въ васъ влюбилась. Честное слово, влюбилась.

Ларцевъ. Полно вамъ, Альберто! У васъ, бѣдныхъ южныхъ чертей, воображеніе вѣчно отравлено любовью и ревностью.

Альберто. Нѣтъ, ужъ вы мнѣ, синьоръ, повѣрьте. Вѣдь я ее люблю. У насъ, влюбленныхъ, особенное чутье. Мы чуемъ соперника, какъ собака лисицу. Она, синьоръ, думаетъ, что вы и живете-то здѣсь для нея.

Ларцевъ. Въ этомъ, какъ вы слышали, она не ошибается.

Альберто. Нѣтъ, для нея, для нея самой, а не для картины. Оставьте вы Джулію, синьоръ. Ну ее къ бѣсу, эту вашу картину.

Ларцевъ. Какъ «ну ее», Альберто? Богъ съ

вами! Да ни за что! Я не ремесленникъ, не по-денщикъ; мнѣ мое искусство дорого.

Альберто. Вамъ жаль малеваннаго полотна, а живыхъ людей вы не жалѣете. Вѣдь вы нехотя можете погубить дѣвушку, а съ нею и меня. Да ужъ что скрывать? Прежде, чѣмъ меня-то, и себя. Потому что, если Джулія меня броситъ, мнѣ жить не дня чего. Но обиды этой я ни вамъ, ни ей не прощу.

Ларцевъ. Вы меня не пугайте, Альберто. Я этого терпѣть не могу. Говорятъ вамъ, чортъ возьми, толкомъ, что до вашей Джуліи мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

Альберто. Ахъ, синьоръ. Да вѣдь Джулія молода, красива, любитъ васъ. Что же вы, деревянный что ли? Сегодня нѣтъ дѣла, завтра нѣтъ дѣла, а послѣ завтра глядь, и закипѣла кровь. Бросьте вы эту картину, синьоръ. Право, бросьте. Ну, пожалуйста! Для меня бросьте...

Ларцевъ. Чудакъ вы, Альберто!

Альберто. А то найдите себѣ другую, какъ вы ее тамъ зовете? Миньону, что ли? Не одною Джуліей свѣтъ сошелся?

Ларцевъ. Да слушайте же вы, упрямая го-

лова. Неужели вы не понимаете, что вы, собственно, даже и права не имѣете приставать ко мнѣ съ этимъ. Какой вы женихъ Джуліи? Она васъ не любитъ; пойдетъ за васъ или нѣтъ, неизвѣстно: вы сами сознались. Вы ревнуете Джулію ко мнѣ. Зачѣмъ же вы не ревнуете ее ко всей золотой молодежи, что вьется вокругъ нея, нашептываетъ ей нѣжности, беретъ ее за подбородокъ, щиплетъ, обнимаетъ? Вѣдь у меня въ мастерской ничего подобнаго быть не можетъ.

Альберто. Я знаю, синьоръ.

Ларцевъ. Да и сами вы – какой святой! Джулія еще не царапала вамъ глаза за то, какъ вы учите форестьерокъ плавать?

Альберто. За что же, синьоръ? Это мое ремесло. Во всякомъ ремеслѣ есть своя манера.

Ларцевъ. Вотъ какъ? Отлично. И у меня есть своя манера: брать хорошую натурщицу тамъ, гдѣ я нахожу.

Альберто. Это ваше послѣднее слово, синьоръ?

Ларцевъ. Послѣднее, рѣшительное, окончательное, и баста толковать объ этомъ.

Альберто (блѣденъ, говоритъ тихо,

раздѣльно, внятнo). Такъ вотъ же вамъ, синьоръ, и мое послѣднее слово. Если Джулія еще разъ будетъ у васъ въ мастерской, мы враги. И чѣмъ скорѣе уѣдете вы изъ Віареджіо, тѣмъ лучше для васъ. Имѣю честь кланяться!

Уходитъ.

Ларцевъ. Вотъ не было печали, черти накачали!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе II

Хорошо меблированный салонъ буржуазнаго типа, устроенный въ нижнемъ этажѣ стариннаго дома. Комната, окнами на улицу, центральная въ домѣ, А потому со множествомъ выходовъ. Всѣ окна, двери, притолоки очень глубокія. Налѣво, въ глубинѣ сцены, витая лѣстница: ходъ въ мастерскую Ларцева. Прямо – широчайшее окно, дверь на улицу; она – съ бѣлыми, какъ снѣгъ, домами и известковой мостовой. Черезъ улицу, насупротивъ дома, маленькая «боттега» (бакалейная лавка съ винною продажею) и проспектъ съ олеандровыми деревьями. Направо, въ самой глубинѣ, дверь въ смежную комнату, А ближе къ рампѣ другая – широкій и красивый выходъ, съ колоннами на внутреннюю парадную лѣстницу, открытый, безъ створокъ. Налѣво двѣ двери: одна въ глубинѣ, близъ лѣстницы – къ Ларцеву; другая, возлѣ ramпы – въ кабинетъ Лештукова. Сводчатый потолокъ росписанъ плохую живописью. На стѣнахъ превосходные, старые часы, нисколько порядочныхъ копій старыхъ художниковъ. На

нѣкоторыхъ дверяхъ начаты и не кончены наброски масляными красками; голова дѣвушки, морякъ съ трубкою въ зубахъ, фантастическое чудовище со змѣинымъ хвостомъ. Посреди комнаты круглый столъ, съ остатками только-что конченнаго обѣда. При подняли занавѣса, русская компанія шумно встаетъ изъ-за стола. Маргарита Николаевна сейчасъ же проходитъ по широкой лѣстницѣ направо, наверхъ. Прислуга, двѣ дюжія итальянки, поспѣшно убираютъ со стола и выносятъ его. Лештуковъ проходитъ къ качалкѣ, помѣщающейся между парадной лѣстницей налѣво и рампою, садится, вынимаетъ изъ кармана нѣсколько русскихъ газетъ и просматриваетъ одну за другою, роняя ихъ потомъ на полъ. Вечеръ, красный свѣтъ заката.

Франческо (очень красивый, рослый, широкогрудый и широкоплечій молодецъ великорусскаго типа, въ рубенсовской бородкѣ; одѣтъ итальянцемъ больше всѣхъ итальянцевъ; въ рубашкѣ фантази съ широчайшимъ поясомъ, по которому ползетъ цѣпочка съ тяжеловѣсными брелоками; бѣлыя туфли-

скороходы, пестрѣйшій длинный галстукъ съ огромнымъ солитеромъ въ булавкѣ; персты также блещутъ камнями). Богъ наплатилъ, никто не видалъ, А кто и видѣлъ, тотъ не обидѣлъ. Берточкѣ съ Амальхень, хозяйшкѣ прелестнымъ, наше собственное мерси и граціэ. Всей честной публикѣ за компанію нижайшее.

Амалія. Благодарите Дмитрія Владимировича: мы всѣ сегодня у него въ гостяхъ; А то негдѣ бы и пообѣдать: въ верхней столовой ремонтъ.

Кистяковъ. А пречудесно это вы придумали, милыя барышни, — домъ нанять. Куда привлекательнѣе отельнаго житья.

Франческо. Главное: харчъ хорошъ. Пишша русская. Помилуйте: борщъ ѣли. Въ Италіи борщъ! Ровно въ большомъ Московскомъ.

Кистяковъ. Смотрите, только не прокормитесь. Берете дешево, кормите жирно, — сведете ли концы съ концами?

Амалія. Да вѣдь мы о выгодѣ не мечтаемъ: больше для компаніи и удовольствія.

Леманъ. Небось, не прогадають. Нѣмки на

обухъ рожь молотятъ.

Амалія. Ахъ, ахъ, ахъ, какой!

Берта. Самъ-то кто?

Амалія. Ужъ какія мы нѣмки! На Васильевскомъ острову родились, по-немецки двухъ словъ связать не умѣемъ.

Берта. А, главное, только съ такимъ нахлѣбникомъ, какъ Леманчикъ, молотить рожь на обухъ. Вы, душечка, которую недѣлю «не при суммахъ-съ»?

Леманъ. Ш-ш-ш! Счеты меркантильные не должны тревожить уши благородныя.

Амалія. Кофе, господа, какъ всегда, въ салонѣ, наверху.

Кистяковъ. Бениссимо.

Лештуковъ. Господъ курильщикова просятъ честью туда же.

Кистяковъ. Да, ужъ знаемъ, знаемъ.

Бѣжитъ на верхъ по парадной лѣстницѣ.

Лештуковъ. Мнѣ, Берта Карловна, если можно, прикажите подать сюда.

Берта. Конечно, можно.

Амалія. Какъ же? А пѣніе-то? Джованни

хотѣлъ придти. Неужели не придете слушать?

Наверху раздается нѣсколько небрежныхъ аккордовъ, потомъ модный вальсъ, играемый довольно дилеттантскою рукою.

Леманъ. Слышите? Маргарита Николаевна уже возбряцала.

Лештуковъ. Газеты изъ Россіи пришли. Надо просмотрѣть.

Франческо. И я спою.

Леманъ. Да ну? Падите, стѣны Іерихонскія!

Франческо. Да-съ, насчетъ чего другого, а, что касающее силы въ грудяхъ, внѣ конкуренціи-съ.

Стучитъ кулакомъ въ грудь.

Намедни у маэстры...

Амалія. Ахъ, маэстро!

Берта. Ахъ, маэстро!

Франческо осматриваетъ ихъ строго и величественно.

Лештуковъ. Что же намедни у маэстро, Франческо?

Франческо. Дуетъ онъ далъ намъ съ Амаліей Карловной...

Леманъ. Ангелъ мой, говорятъ «дуэтъ», А не дуетъ. Дуетъ изъ окна, А дуэтъ изъ оперы.

Амалія. Ай, Леманъ! ай, Леманъ! Какъ неудачно!

Берта. Воздуха, воздуха!

Бѣжитъ и открываетъ дверь на улицу.

Амалія. Не растворять дверей: соберете къ Дмитрію Владимировичу пыль со всего города.

Лештуковъ. Ничего. А то здѣсь ужасная жара.

Франческо (*возвышаетъ голосъ, очень недовольный, что о немъ какъ будто забыли*). Далъ намъ маэстро дуетъ съ Амаліей Карловной...

Амалія. Ахъ, это вы про «Гугеноты» хотите рассказать?

Франческо. Про ихъ самые. Голосочки на-

ши вамъ, господа компанія, извѣстны. Выучили мы урки, приходимъ къ маэстрѣ... Кантато? Чрезвычайно, много кантато, маэстро. — Ведремо... И зоветъ къ пьянину-сь. У Амальхенъ сейчасъ блѣдный колеръ по лику и трясеніе въ поджилкахъ. Потому онъ, по дамской слабости, маэстру ужасъ какъ обожаютъ, А боятся, такъ даже до трепета-сь.

Амалія. Ахъ, маэстро!

Франческо. А мнѣ такъ довольно даже все равно.

Берта. Неправда, неправда, и вы тоже боитесь.

Франческо. Я? *(по-итальянски)* Іо? *(дѣлаетъ передъ своимъ лицомъ итальянскій жестъ отрицанія однимъ указательнымъ пальцемъ).* МАі!

Амалія. Еще какъ боитесь-то. Всякій разъ, какъ идти на урокъ, коньякъ пьете.

Франческо. Коньяку я всегда согласенъ выпить, потому что коньякъ басъ чиститъ. Но, чтобы бояться... Дмитрій Владимировичъ, справедливый господинъ: ну, съ какой статьи мнѣ итальянской маэстры бояться? Это имъ, дамскому полу, онъ точно грозень, потому

что, при малодушіи ихнемъ, форсъ на себя напускаеть, въ томъ разчетѣ, чтобы больше денегъ брать-съ. Либо вотъ Джованькѣ, потому что даромъ учится и голосъ у него теноре ди грація. Стало быть, безъ страха къ себѣ, жидкій. А мы, слава тебѣ Господи-съ! Я, Дмитрій Владимировичъ, бывало, въ Нижнемъ, на ярмаркѣ-съ, зыкну съ откоса: «Посматривай!».. Черезъ Волгу въ Семеновскомъ уѣздѣ слышно-съ. Могу ли я послѣ этого, при такой аподжію, какого-нибудь маестры бояться?

Лештуковъ. Рѣшительно не можете.

Франческо. Кто кому чинквелиру за уроки платить? Я ему, али онъ мнѣ. Странное дѣло. Я плати, да я же еще нанятаго челоуѣка опасайся. Удивительная вы послѣ этого публика, братцы мои!

Леманъ. Да ты не отвлекайся, про дуэтъ-то расскажи.

Берта (*топаетъ ножками*). Дуэтъ, дуэтъ, дуэтъ.

Франческо. Хе-хе-хе! что же дуеть? Очень просто. Маестра сѣлъ. Мы стали... Говорю: Амалька, держись!

Амалія. Никогда вы меня Амалькой не называли. Что за гадости?

Франческо. Амалька, говорю, не выдавай! Покажемъ силу... Запѣли-съ. А онъ, окаянный, маэстра-то, оказывается въ капризь своихъ чувствъ. Воче, кричитъ, воче фуори... Это по итальянскому выходить, Дмитрій Владимировичъ, стало быть, голосъ ему подавай, звука мало.

Лештуковъ. Благодарю васъ, понялъ.

Франческо. Воче тебѣ? Воче? Звуча дьяволу? На-жъ тебѣ!.. получай! Амалька, вали!

Поетъ, что есть силы.

Нель оррор ди квеста но-о-о-от-те!

Какъ я ревану, какъ Амалія Карловна ревануть – Господи! стекла дрожать, пьянинъ трепещеть, на улицѣ публики полный кварталъ! А маэстра пьянинъ бросиль, за голову лысую руками схватился. Черти, кричитъ, дьяволы! Голоса! горла! пушки! Что же вы со мною, изверги, дѣлаете? Нешто такъ можно? Я тебя не слышу, ее не слышу, піанино не слышу, ниче-

го не слышу, ревъ одинъ слышу. – Что же, маэстра? отвѣчаю ему, вы хотѣли, чтобы звукъ дать. А ежели вамъ угодно, чтобы піаниссимо очень просто... Да какъ ему змарцировалъ...

Закрываетъ глаза и, повернувшись на одной ножкѣ, съ блаженною улыбкою, посылаетъ въ пространство воздушный поцѣлуй.

Вотъ-съ, какъ мы поемъ.

Джованни (очень приличный молодой человекъ показывается въ дверяхъ съ улицы и останавливается, улыбаясь съ вѣжливымъ поклономъ).

Франческо. А Джованья! Коллега!.. Андьямо сопра. Исполнимъ что-нибудь. Каписко? Квальке коза адората. Амалія Карловна, оркестръ нашъ! андьямъ!

Бѣгутъ вчетверомъ наверхъ. Тамъ сейчасъ же начинается музыка и пѣніе, иногда рукоплесканія, смѣхъ.

Лештуковъ просматриваетъ газету за газетою.

Ларцевъ въ рабочей блузѣ – выглядываетъ изъ своей мастерской.

Ларцевъ. Э! А я васъ предполагалъ наверху. Слышу: Джованни поетъ. Ну, думаю, значить, Дмитрій Владимировичъ состоитъ при пианино. А вы, оказывается, тутъ уединились.

Опускается внизъ.

Лештуковъ. А вы что размялись?

Ларцевъ. Побѣду, батюшка, одержалъ: мазокъ нашелъ. Двѣ недѣли ходилъ вокругъ него, подлеца, вокругъ да около. И вдругъ сегодня такое озареніе осѣнило: самъ не знаю, какъ мазнулъ Гляжу – оно, оно. То есть какъ разъ оно то самое. «Миньона» родилась, батюшка, настоящая Миньона.

Лештуковъ. Поздравляю. Это называется «точку найти».

Ларцевъ. Ахъ, Дмитрій Владимировичъ. Вы заверните ко мнѣ завтра, непременно заверните. Вы Миньоны не узнаете. Совсѣмъ другая стала. И кто бы повѣрилъ, что отъ одного мазка. Ну, право же, отъ одного. Отъ эта-

каго маленькаго, маленькаго...

Лештуковъ (съ завистью). Ишь, счастливецъ! Какъ прочно всталъ на свою стезю. Совсѣмъ человѣкомъ не отъ міра сего сдѣлался.

Ларцевъ. Все мнѣ «Миньона» загородила, и, покуда не сойдетъ она съ моего горизонта, я для всякаго прочаго интереса человѣкъ мертвый.

Вверху изъ мастерской стучатъ.

Лештуковъ. Войдите!

Джулія сходитъ по лѣстницѣ изъ мастерской. Музыка и пѣніе наверху продолжаютъ съ короткими перерывами. Когда Джулія входитъ къ Ларцеву и Лештукову, Альберто проходитъ по улицѣ, — входитъ въ боттегу и садится тамъ къ столику, за стаканъ вина.

Ларцевъ. Ага, моя радость! Гдѣ вы пропадали? Прошли черезъ мастерскую? Видѣли? Вы почти готовы.

Джулія (отрицательно качаетъ головою,

лицо ея озабочено и хмуро). Вы слишком добры, синьоръ Андреа. Это очень красиво, очаровательно... только это не я...

Киваетъ головою Лештукову.

Добрый вечеръ, синьоръ.

Лештуковъ. Добрый вечеръ, Джулія. Что вы такъ строго? Если Миньона не вы, я ужъ и не знаю, какого сходства еще надо.

Джулія. Чудно! Изумительно! А все-таки это не я. Это святая! Она такъ смотритъ, будто лѣстницу на небѣ видитъ. А я?.. Ахъ, да не до Миньоны мнѣ!.. Скажите: я вамъ нужна еще для вашей картины? Не правда ли, нужна?

Ларцевъ. Да, Джулія... Если бы вы подарили мнѣ еще два-три сеанса...

Джулія. Подождите. Синьоръ Деметріо вашъ другъ, не такъ ли? Я могу говорить при немъ откровенно, какъ будто съ вами самими?

Лештуковъ. Если надо, я могу уйти...

Джулія. О, нѣтъ. Напротивъ, я хотѣла бы, чтобы все, что я скажу, слышали и знали всѣ хорошіе люди на свѣтѣ. Синьоръ Андреа, я

должна васъ предупредить, что эти сеансы могутъ принести вамъ большую непріятность.

Ларцевъ. Знаю, Джулія. Альберто говорилъ. Только это глупо съ его стороны.

Джулія. Глупо? Скажите: подло! гадко! возмутительно! Но надѣюсь, вы не боитесь, синьоръ? Вы не уступите ему? Я не вещь, чтобы мною распорядился какой-нибудь матросъ. Я хочу этой картины и буду служить вамъ, куда вы желаете.

Ларцевъ. Если вы, Джулія, не боитесь, то я и подавно.

Джулія. Онъ чортъ. Отъ него всего дождешься. Вы будьте осторожны. А я знаю, какъ убережъ себя. Не видать ему меня, какъ своихъ ушей. Пусть ищетъ себѣ жену на рынкѣ, такую же грубую мужичку, какъ онъ самъ.

Ларцевъ (*кратко, но очень серьезно*). Это очень грустно, Джулія. Жаль будетъ, если изъ-за моей работы вы разобьете счастье добраго малаго. Въдь Альберто искренно любитъ васъ. Да какъ знать? Можетъ быть, и своего счастья лишитесь. Картина – вещь хорошая, но жизнь

лучше.

Джулія (блѣдная, вскочила, всплеснула руками). Вы же за него заступаетесь... Не будетъ никогда свадьбы. Слышите? Не могу я! Не будетъ! Не изъ-за картины вашей не будетъ, А потому что такая моя воля... Потому что...

Она въ страшномъ волненіи; стыдливый и гнѣвный румянецъ заливаеъ лицо ея; она нервно комкаетъ свой передникъ.

Потому что... потому что...

Обводитъ ихъ полными слезъ глазами; она прекрасна; Ларцевъ совершенно растерялся, Лештуковъ молча любитъся ею какъ картинкою.

Потому что...

Смотритъ на Ларцева съ полнымъ страсти упрекомъ.

Нѣтъ... я... я... Доброй ночи, доброй ночи...

Порывисто убѣгаетъ въ дверь на улицу. Ларцевъ разводитъ руками съ видомъ человека, сбитаго съ толку. Лештуковъ хохочетъ. Альберто въ боттегѣ срывается съ мѣста, выбѣгаетъ на улицу и долго смотритъ вслѣдъ Джуліи. Потомъ угрюмо возвращается къ своему столу.

Лештуковъ. Позвольте поздравить васъ съ формальнымъ объясненіемъ въ любви. Ну-съ, что вы на это скажете, о, рыжебородый Торъ?

Ларцевъ. Я знаю одно: что я живу въ Бедламѣ, и глупыми сценами мнѣ безъ ножа рѣжутъ мою картину.

Лештуковъ (смотритъ на него съ одобреніемъ). Молодцомъ! большой и хорошій мастеръ долженъ изъ васъ выйти...

Ларцевъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какая тамъ любовь? Баловаться съ нею я не хочу: она хорошая дѣвушка – стыдно. А въ серьезъ?.. Въ серьезъ мнѣ всѣ женщины безразличны, право. Моя душа – вонъ тамъ, въ мастерской. Можетъ быть, налечу еще на такую, что мнѣ голову свернетъ, но пока Богъ милостивъ.

Лештуковъ. Нѣтъ, вы не налетите. Вы Бо-

гомъ отмѣчены. На васъ печать. Искусство всегда станетъ между вами и рабствомъ у женщинъ. Но все это прекрасно. Однако, какъ же вамъ быть съ Джуліей и, въ особенности, съ Альберто?.. Кстати: онъ сидитъ напротивъ, въ боттеѣ, и между бровями у него Этна и Везувій.

Ларцевъ. Чортъ его возьми!

Лештуковъ. Любить Джулію вы не желаете. Получить изъ-за нея тычекъ ножомъ, того менѣе. Картину дописывать надо. А, пожалуй, Джулія къ вамъ на натуру больше уже не придетъ.

Ларцевъ. Что же дѣлать? Допишу и безъ нея.

Лештуковъ. Но картина отъ этого потеряетъ?

Ларцевъ (*послѣ некотораго колебанія*). Нѣтъ. Еще третьяго дня утромъ, когда я спорилъ съ Альберто, Джулія была моимъ откровеніемъ, моимъ вдохновеніемъ. Но послѣ этого мазка – помните, я вамъ говорилъ? Миньона вся у меня тутъ.

Показываетъ на лобъ.

Лештуковъ. Въ такомъ случаѣ, Ларцевъ, мой дружескій совѣтъ вамъ: уѣзжайте отсюда. Оставьте вы этихъ людей съ ихъ страстями и бурями. Они безхитростныя дѣти земли. День ихъ вѣкъ ихъ. Въ страсти удержаніе: она ихъ право, ихъ логика. А вы рисковать собою не имѣете права. Вы талантъ, вы гражданинъ грядущихъ поколѣній. Пусть ихъ мирятся, ссорятся, какъ хотятъ. Вы имъ ничѣмъ помочь не можете. Уѣзжайте.

Ларцевъ. Досадно, Дмитрій Владимировичъ, за труса почтутъ.

Пѣніе и музыка наверху прекратились; слышно, какъ хлопнула крышка піанино, задвигали стульями; затѣмъ по улицѣ мимо дверей, слѣва направо проходятъ Амалія подъ руку съ Кистяковымъ, Берта съ Леманомъ, Франческо и Джованни.

Лештуковъ. А, полно. Словно васъ не знаютъ.

Ларцевъ. Оно, положимъ: картину писать настроеніе нужно. А какое ужъ тамъ

настроение, коли одна на шею въшается, А другой за угломъ съ ножомъ сторожить? Онъ-то, пожалуй, вретъ – меня не убьетъ, А вотъ какъ бы я его подъ горячую руку не ухлопалъ.

Лештуковъ. Вотъ видите.

Ларцевъ. Я, парень смирный, не изъ брыкливыхъ телокъ. Но при мнѣ языкомъ болтай – рукамъ воли не давай. Не выношу кулачной расправы и поножовщины этихъ. Ничего тогда не помню: въ глазахъ скачутъ красные мальчики, все въ туманѣ – и я способенъ на творить Богъ знаетъ чего. Силищу-то мою проклятую вы знаете.

Лештуковъ. Уѣзжайте.

Ларцевъ. Подумаю.

Лештуковъ (*смотритъ въ окно*). Ого! наши всей компаніей.

Ларцевъ. Да, ужъ луна восходитъ... на моль пошли...

Лештуковъ. И вы, по обыкновенію?

Ларцевъ. Да, вотъ только перемѣню эту хламиду.

Поднимается къ себѣ съ мастерскую. Ле-

штуковъ, оставшись одинъ, подходитъ къ двери-окну, хочетъ затворить ее и опустить гардину. Альберто быстро заглядываетъ къ нему въ комнату съ улицы.

Альберто. Добрый вечеръ, синьоръ Дмитрію.

Лештуковъ. Добрый вечеръ. Что угодно?

Альберто. Джулія была сегодня у художника, синьоръ?

Лештуковъ. Вы сами видѣли, какъ она вошла и вышла. Что же спрашивать, Альберто?

Альберто. Синьоръ, я говорилъ съ вашимъ другомъ; я просилъ его, молилъ, грозилъ, наконецъ. Ему все равно. Онъ сердца не имѣетъ; не жаль ему бѣднаго малаго. Хорошо же. Теперь пусть онъ бережется.

Лештуковъ. Ахъ, Альберто! Что вы только, безумный человекъ, съ собою дѣлаете?

Альберто. Вы, синьоръ, должно быть, очень счастливо любите, иначе вы поняли бы меня. Вы большой баринъ, я мужикъ, простой матросъ. Но сдѣланы мы изъ одного тѣста. И посмотрѣлъ бы я, что стали бы вы дѣлать, если бы... Можно все говорить, синьоръ?

Лештуковъ. Говорите.

Альберто. Если бы ходила позировать къ вашему другу и оставалась съ нимъ съ глазу на глазъ каждый день по три часа не Джулія, А синьора Маргарита?

Лештуковъ. Что за вздоръ, Альберто? При чемъ тутъ синьора Маргарита?

Альберто. Простите; вы дали мнѣ право говорить; я такъ и сказалъ, какъ думалъ. Потому что я хочу, чтобы вы меня, какъ слѣдуетъ, сердцемъ поняли. Не смущайтесь, синьоръ: разговоръ этотъ между нами.

Отступилъ и быстро исчезъ въ наступающихъ сумеркахъ. На улицѣ вспыхнулъ электрическій фонарь. Лештуковъ медленно запираетъ дверь-окно и задергиваетъ нижнюю часть его занавѣскою, потомъ проходитъ къ себѣ въ кабинетъ. Свѣтъ падаетъ только изъ верхнихъ стеколъ. Маргарита Николаевна, въ голубомъ шелковомъ платкѣ, на плечахъ, спускается внизъ по большой лѣстницѣ.

Маргарита Николаевна (садится въ ка-

чалку). Кажется, Альберто былъ? Драма все еще продолжается?

Лештуковъ (изъ кабинета). Больше, чѣмъ когда-либо.

Выходитъ, оставляя дверь кабинета незапертою; мало-по-малу, въ дальнѣйшемъ дѣйстви, оттуда начинаетъ падать на сцену сперва слабая, потомъ все сильнѣе и сильнѣе полоса луннаго свѣта.

Маргарита Николаевна. Охъ, эти драмы!.. Всѣ вы, мужчины, на нихъ мастера.

Лештуковъ (беретъ ея руку и цѣлуетъ). И я?

Маргарита Николаевна. Не успѣлъ еще. Мы съ тобой въ медовомъ мѣсяцѣ.

Ларцевъ (сверху). А... хмъ...

Сбѣгаетъ съ лѣстницы.

Маргарита Николаевна. Ой, какимъ франтомъ. На молъ?

Ларцевъ. Да. Одно вѣдь у насъ по вечерамъ мѣсто...

Маргарита Николаевна. А мнѣ лѣнь: надоѣло... Скажите нашимъ, что-бы не загуливались.

Ларцевъ. Очень хорошо-съ.

Хочетъ уйти въ среднюю дверь, которую только что заперъ Лештуковъ, и конфузится, найдя ее запертою.

Лештуковъ. Тутъ заперто. Я собирался заниматься. Постойте, я вамъ открою...

Ларцевъ. Да, не беспокойтесь, пожалуйста, я могу пройти и здѣсь.

Поспѣшно уходитъ черезъ крайнюю правую дверь.

Лештуковъ. Слава Богу, одни. Я такъ боялся, что онъ останется и испортитъ намъ вечеръ.

Маргарита Николаевна молчитъ. Лештуковъ легъ на полъ, къ ея ногамъ, взялъ ея руку, положилъ ладонью на свое лицо.

Маргарита Николаевна. Знаешь, это глупо вышло, что онъ ушелъ. Богъ знаетъ, что онъ можетъ подумать.

Лештуковъ. А пускай!

Откинулъ голову на колѣни Маргариты Николаевны и ждетъ ея поцѣлуя. Она отодвинулась съ досадою.

Маргарита Николаевна. Какъ я не люблю тебя такимъ.

Лештуковъ. Какимъ «какимъ»?

Маргарита Николаевна. Когда тебѣ все на свѣтѣ «пускай», когда тебѣ рѣшительно все равно, что будутъ обо мнѣ говорить и думать.

Лештуковъ (сѣлъ на скамеечку у ногъ ея). Прости меня, но я не понимаю: какъ же мнѣ вести себя?

Маргарита Николаевна. Такъ, чтобы наши отношенія не рѣзали людямъ глаза, чтобы о насъ не думали больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Лештуковъ. Повѣрь мнѣ, Ларцевъ больше, чѣмъ слѣдуетъ и не подумаль.

Маргарита Николаевна. То есть, онъ ушелъ въ увѣренности, что мы съ вами въ

связи. Очень приятно.

Лештуковъ. Если и такъ, что за бѣда?

Маргарита Николаевна. Да вы, кажется, съ ума сошли, Дмитрій Владимировичъ?

Лештуковъ. Ничуть.

Маргарита Николаевна. Какъ? Вамъ ничего, если мое имя будетъ трепаться по улицамъ? Если будутъ говорить, что я, Маргарита Рехтбергъ, ваша любовница, вамъ все равно?

Лештуковъ (*всталъ на ноги и прислонился къ дверной колонна, направо*). Нѣтъ, не все равно. Когда я услышу такое слово, я подойду къ тому, кто его произнесъ, и скажу: вы ошибаетесь: Маргарита – не любовница, но жена моя.

Маргарита Николаевна (*рѣзко смѣется*). Да, только этого не доставало.

Она также встала съ качалки и прислонилась къ другой дверной колоннѣ, лицомъ къ лицу съ Лештуковымъ.

Вы какой-то безумный, васъ лѣчить надо... Пускай говорятъ, что любовница. Скажу, что

жена... И, главное, вѣдь отъ васъ станется. Думаете ли вы о томъ, что говорите? Неужели вамъ не приходитъ въ голову, что у меня есть репутація? Что я ношу чужое имя и обязана сохранить его чистымъ?

Лештуковъ. Теперь не приходитъ. Приходило раньше, когда и вамъ объ этомъ надо было думать.

Маргарита Николаевна. Что вы хотите сказать? Что, уступивъ вашей любви, я погибла, и ко мнѣ можно прибавать какія угодно вывѣски?

Лештуковъ. Пожалуйста, перестаньте нервничать. Вы отлично знаете, что ничего подобнаго я сказать не хотѣлъ. Каждый, кто попробуетъ оскорбить васъ, встрѣтитъ отъ меня хорошій отпоръ. Зачѣмъ эти выходки?

Маргарита Николаевна. Я не могла предвидѣть, что вы поставите меня такъ, что я потеряла въ глазахъ общества всякое уваженіе. Вы думаете, я не вижу, какъ на меня здѣсь смотрятъ?

Лештуковъ. Никто на васъ не смотритъ дурно и ничьего уваженія вы не теряли. Послушайте, Маргарита. Я люблю васъ сильно.

Вы единственная женщина, съ которою я хотѣлъ бы связать свою жизнь. Я человекъ по пятому десятку лѣтъ, бросилъ все: свою семью, своихъ друзей, свою родину, свое любимое дѣло и мечусь за вами по Европѣ, какъ вѣчный жидъ. Не идіотъ же я и не сатиръ козлоногій, чтобы продѣлывать безумства ради того лишь... ну, словомъ, ради интрижки съ пикантной женщиной. Женщинъ для интрижекъ всегда и вездѣ больше, чѣмъ надо.

Маргарита Николаевна. Я, кажется, въ ихъ число не напрашивалась. Если бъ я была женщиной, способною на интрижку, то, я думаю, не заставила бы васъ продѣлывать всѣ эти «безумства», какъ вы выражаетесь, не особенно любезно, замѣтьте. Вы серьезно чувствовали, я серьезно на ваши чувства смотрѣла.

Лештуковъ. И, въ результатъ, все-таки предлагаете мнѣ интрижку.

Маргарита Николаевна. Это несносно, наконецъ.

Лештуковъ. Какъ же иначе-то? Посудите сами. Я предлагаю вамъ открытую свободную любовь, я готовъ защищать честь своего чув-

ства передъ цѣлымъ свѣтомъ. Я горжусь тѣмъ, что люблю васъ. А вы мою гордость считаете позоромъ своимъ. Говорите: нѣтъ, спрячемся какъ можно глубже, въ потемки, и чтобы никто, никто не смѣлъ подумать, будто я снизошла до любви къ вамъ. Именно это охотники въ чужихъ поляхъ и называютъ интрижкой на благородныхъ основаніяхъ. Есть скверная пріятность добиваться подобныхъ отношеній отъ женщины, когда ее презираешь, но развѣ они мыслимы, если женщину боготворишь? Въ потемкахъ женщина – самка. Самокъ я могъ бы найти и лучше васъ, и красивѣе. А въ васъ я искалъ жену.

Маргарита Николаевна. Въ замужней-то женщинѣ? Ха-ха-ха! Да это сцена изъ «Ревизора» на трагическій манеръ.

Лештуковъ (*выпрямился, лицо его строго*). Да. Въ замужней женщинѣ, которая всѣмъ своимъ поведеніемъ, каждымъ словомъ, каждымъ поступкомъ давала мнѣ понять, что ея бракъ огромное недоразумѣніе и несчастіе ея жизни. Въ замужней женщинѣ, которая заставила меня думать, что она еще не знала истинной любви, и что я первый зажегъ въ

ней искру страсти. Въ замужней женщинѣ, которая такъ искренно и хорошо говорила о своемъ семейномъ долгѣ, о своемъ уваженіи къ нелюбимому мужу, что именно объ интрижкѣ-то не смѣлъ я подумать. Я васъ слишкомъ уважалъ, чтобы считать способною на лавировку между мужемъ и любовникомъ. Преслѣдовалъ ли я васъ своими притязаніями, прежде чѣмъ вы сами не сказали мнѣ: «я твоя»? А вѣдь мы съ вами проводили цѣлые дни долгіе вечера.

Маргарита Николаевна. Ахъ, оставьте вы эту беллетристику, ваши психологическія тонкости. Попросту вы хотите сказать, что ждали, пока я сама брошусь вамъ на шею. Что же? Можете торжествовать; дождались. Только вы хвалитесь своимъ рыцарствомъ, А это ужъ болѣе, чѣмъ не по-рыцарски напоминать женщинѣ ея прошлую глупость.

Лештуковъ. Я только хотѣлъ сказать, что никогда не возникло бы между нами отношеній, допускающихъ подобныя сцены, если бы я не ошибся: не повѣрилъ вамъ, что вы именно такъ же хорошо любите меня, какъ я васъ.

Молчаніе. Маргарита Николаевна, кутаясь въ платокъ, всматривается въ Лештукова съ кокетливымъ любопытствомъ. Ей и жутко, и приятно, что ее такъ любятъ.

Маргарита Николаевна. Ты иногда какой-то страшный бываешь... о, тебя бояться можно.

Лештуковъ молчитъ.

Маргарита Николаевна. Ты, пожалуй, убить способенъ?

Лештуковъ. Тебя?

Маргарита Николаевна. Пойми же ты. Я вѣдь не спорю: ты правъ. Но, если я не могу? Я не знаю, что такое воспитаніе ли мое, натура ли заячья, но я всякихъ рѣзкихъ рѣшеній боюсь, А ужъ въ семейныхъ вопросахъ, не говори. Я дрожу, я теряюсь, я душой дѣлаюсь.

Лештуковъ. Ты сама начала этотъ разговоръ по поводу Ларцева.

Маргарита Николаевна. Что же дѣлать? Я не выношу фальшивыхъ положеній...

Лештуковъ. Я тоже до нихъ не охотникъ. Разъ попали въ фальшивое положеніе, надо изъ него выйти.

Маргарита Николаевна. Опять начинаешь сказку про бѣлаго бычка! Оставь свои теоріи, гляди на дѣло, какъ оно есть. Чего ты хочешь? Гражданскаго брака? Чтобы я сошлась съ тобою, какъ говорится, mАritАlement? Я прямо тебѣ говорю, что это невозможно, мнѣ будетъ вѣчно казаться, будто весь свѣтъ показываетъ на меня пальцами. Я мнительна, и выросла въ такихъ понятіяхъ, что это для женщины самый большой позоръ. И, такъ какъ ты будешь причиною моего позора, я тебя возненавижу, едва мы сойдемся. Я терпѣть не могу страдать и ненавижу все, что меня страдать заставляетъ.

Лештуковъ. Есть возможность развода.

Маргарита Николаевна. Развода мужъ мнѣ никогда не дастъ. Онъ самолюбивый и... не злись на меня за эти слова... я никогда не рѣшусь ему сказать, чтобы онъ далъ мнѣ свободу любить другого человѣка. Я его боюсь... боюсь больше, чѣмъ даже тебя. Если ты меня убьешь, то ты останешься преступникомъ, А

я умру жертвою, и память моя чиста. Но у мужа право. Онъ можетъ уничтожить меня, какъ собственность, какъ испорченную вещь. Онъ убьетъ и будетъ правъ, А я, и мертвая, останусь виновата. А онъ у меня рѣшительно на все способенъ. Онъ вѣжливый, сдержанный, но весь изъ правилъ сотканъ, всю жизнь разбилъ на клѣточки, какъ въ лото. Выбросить ему судьба номеръ на такую клѣточку, что, по правилу, надо убить – онъ и убьетъ.

Минута тяжелаго молчанія. Лештуковъ злобно барабанитъ пальцами по колоннѣ. Потомъ, вздохнувъ глубоко, съ усиліемъ.

Лештуковъ. Тогда... надо разорвать.

Медленными шагами, пошелъ по комнатѣ.

Маргарита Николаевна (откинула голову на спинку качалки, прямо въ лунный столбъ).
Можетъ быть...

Потянулась и закинула руки на голову, же-

стомъ, полнымъ чувственной нѣги.

Только не сейчасъ.

Лештуковъ угрюмо ходитъ. Она поймала его за руку и привлекла къ себѣ.

Маргарита Николаевна. Только не сейчасъ.

Заставляетъ его опуститься на колѣни и кладетъ руки на его плечи.

Сейчасъ я слишкомъ тебя люблю и хочу, чтобы ты меня тоже любилъ... безъ ума, безъ памяти... какъ только такіе сумасшедшіе могутъ любить...

На улицѣ слышныя шаги; потомъ порывистый стукъ въ дверь, куда раньше ушелъ Ларцевъ.

Маргарита Николаевна. Кто тамъ? Войдите.

Берта за сценою. Маргарита Николаевна,

это я, Берта. Выйдите, голубушка, на минутку.

Маргарита Николаевна. Входите, входите. Что за пустяки?

Берта и Кистяковъ входятъ.

Мы здѣсь съ Дмитріемъ Владимировичемъ сумерничаемъ, философствуемъ. У насъ секретовъ нѣтъ.

Берта. Да, у меня-то къ вамъ есть. Нѣтъ, голубчикъ, сдѣлайте милость выйдемъ на минуточку; я нарочно бѣжала съ вокзала во весь духъ, впередъ всѣхъ, чтобы предупредить...

Быстро уводитъ ее въ дверь, возлѣ Ларцевской лѣстницы налѣво.

Кистяковъ. Сумерничать пріятно, но бываютъ случаи, когда благоразумнѣе отворить двери настежь (*исполняетъ*) и пустить электричество во всю (*исполняетъ*).

Лештуковъ. Что случилось? На Бертъ Ивановнѣ лица нѣтъ.

Кистяковъ. Не знаю, съ чего она всполошилась? Бабы норовятъ выростить сенсацію

изъ всякихъ пустяковъ. Ничего особеннаго.
Къ Маргаритѣ Николаевнѣ мужъ пріѣхалъ.

Лештуковъ. Къ Маргаритѣ Николаевнѣ?
Мужъ? Какой мужъ?

Кистяковъ. Да ужъ не знаю, какой, А надо полагать, что самый законный. Петербургская штучка. Цилиндръ, вещи дорожныя брезентовыя: знатный иностранецъ, одно слово.

Лештуковъ. Откуда вы узнали?

Кистяковъ. На вокзалъ за газетами ходили къ вечернему «диретто». Услыхалъ, что мы говоримъ по-русски, – самъ представился. Леманъ и Амальхенъ ведутъ его сюда.

Маргарита Николаевна (входитъ). Слышали новость? я едва вѣрю... Куда же вы? Кистяковъ, не уходите...

Лештукову быстро и тихо.

Ради Бога, возьмите себя въ руки.

Кистяковъ отходитъ въ глубину сцены и держится тамъ.

Лештуковъ. Но позвольте...

Маргарита Николаевна. Вотъ, вотъ, вы уже начинаете. Я васъ прошу, я васъ умоляю, я приказываю вамъ, наконецъ. Помните: я васъ сейчасъ страшно люблю. Но если вы вызовете скандалъ, я васъ возненавижу.

Лештуковъ, совершенно сбитый съ толку, изумленно смотритъ на нее, вытирая лобъ платкомъ.

Маргарита Николаевна (*подозрительно оглядывается, на дверь и электричество*). Ахъ, это вотъ умно... Кистяковъ, вы что тамъ у дверей? Не смѣйте уходить...

Кистяковъ. Да я и не думалъ. Я природу созерцаю.

Маргарита Николаевна (*Лештукову*). Ну, милый, хороши! ну, обѣщай мнѣ, что ты будешь умницей. Держись со мною какъ при всѣхъ, добрымъ другомъ, пожалуй, даже съ маленькой фамиллярностью. Это ничего... у меня въ жизни всегда былъ какой-нибудь другъ на такой ногъ: онъ къ этому привыкъ...

Лештуковъ хотѣлъ злобно засмѣяться и не

можетъ. Она смотритъ на него выжидательно.

Лештуковъ. Онъ такъ привыкъ? Привыкъ къ друзьямъ, при васъ состоящимъ? Ну, что же? Такъ и будемъ поступать, какъ привыкъ вашъ супругъ – будемъ состоять. Ха-ха-ха!

Порывисто уходитъ къ себѣ въ кабинетъ.

Маргарита Николаевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это я... неловко!.. Вотъ всегда я такъ-то, сама не замѣчу, какъ обижу... А они сердятся.

Входитъ Леманъ, Амалія, Рехтбергъ. Факкино несетъ чемоданъ, сакъ и руло съ платьемъ, принятъ которые выбѣгаютъ двѣ горничныя и Берта. Послѣдняя даетъ факкино деньги. Тотъ киваетъ головою и уходитъ, подбиравая монету на ладони.

Рехтбергъ. Здорова? Весела?

Маргарита Николаевна. Конечно. Но откуда ты? какими судьбами?

Рехтбергъ. Взялъ отпускъ на двадцать во-

семь дней, вздумалъ сдѣлать турнэ по Европѣ и свалился – хе-хе-хе – какъ снѣгъ на голову!

Маргарита Николаевна. Вотъ, милый! Но отчего не телеграфировалъ?

Рехтбергъ. Говорю тебѣ: какъ снѣгъ на голову.

Маргарита Николаевна. Мы встрѣтили бы тебя всею нашею компаніей.

Рехтбергъ. Счастливый случай, и безъ того, помогъ мнѣ познакомиться съ несколькими милыми представителями любезнаго общества, которое тебя окружаетъ. Господинъ Леманъ и m^{ademoiselle} Рехтзаммеръ были такъ добры сопутствовать мнѣ со станціи.

Кистяковъ (Амалия). Чортъ знаетъ, какъ вѣжливо и солидно выражается этотъ компатріотъ.

Рехтбергъ. А здѣсь премило. Это твое помѣщеніе?

Маргарита Николаевна. О, нѣтъ. Я наверху.

Амалия. Это комнаты Лештукова.

Рехтбергъ. Вы назвали...

Берта. Лештуковъ, самъ Дмитрій Владимировичъ Лештуковъ.

Вмѣстѣ съ горничными, который несутъ багажъ, уходитъ на верхъ по большой лѣстницѣ, но вскорѣ возвращается черезъ боковую дверь справа.

Рехтбергъ. Извѣстный Лештуковъ?

Леманъ. Романистъ.

Рехтбергъ (очень почтительно). А...

Маргарита Николаевна. Сейчасъ познакомитесь. Онъ дома... Мы только-что сумерничали и философствовали.

Кистяковъ (*Амалии*). Понравилось словечко...

Рехтбергъ. Буду очень счастливъ сдѣлать такое пріятное и лестное знакомство.

Леманъ фыркаетъ.

Кистяковъ. Молчи...

Рехтбергъ обзрѣваетъ ихъ нѣсколько дикимъ, но не лишеннымъ благосклонности взглядомъ.

Лештуковъ (входитъ, блѣдный, но съ от-

крытымъ веселымъ лицомъ). Позвольте представиться: Лештуковъ. Кто вы – я уже знаю. Какой пріятный сюрпризъ вамъ, Маргарита Николаевна.

Маргарита Николаевна. Вильгельмъ, рекомендую: мой поклонникъ и даже другъ.

Рехтбергъ. Тѣмъ пріятнѣе слышать, что принадлежу къ самымъ усерднымъ почитателямъ вашего блестящаго таланта.

Леманъ (*Кистякову*). Ишь, литературъ не чуждъ. А я думалъ, чинодраль петербургскій.

Рехтбергъ. Мои служебныя занятія, глубокоуважаемый Дмитрій Владимирович!., не позволяютъ мнѣ удовлетворять эстетическимъ потребностямъ духа въ той мѣрѣ, какъ я желалъ бы. Но слѣдить за успѣхами русской мысли, русскаго творчества моя слабость... Одна изъ немногихъ слабостей.

Лештуковъ. О, не сомнѣваюсь, что изъ немногихъ.

Рехтбергъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь состоять на государственной службѣ, я поставилъ себѣ за правило прекрасную русскую пословицу: дѣлу время, потѣхѣ часъ. И потому ежедневно, послѣ обѣда, отдыхая въ

своёмъ кабинетѣ, я посвящаю полчаса чтенію изящныхъ произведеній родной литературы.

Лештуковъ. Цѣлые полчаса?

Рехтбергъ. Отъ восьми съ половиною до девяти.

Амаля. Ни минуты больше?

Рехтбергъ. Аккуратность мой принципъ. Ровно въ восемь съ половиною я раскрываю книгу, ровно въ девять закрываю. По бою часовъ.

Кистяковъ. И часы, конечно, вывѣрены на пушкѣ?

Амаля. Ну, А если часы бьютъ, А вы не дочитали интереснаго мѣста?

Рехтбергъ. Хотя бы на переносѣ слова со страницы на страницу.

Леманъ. Здорово!

Кистяковъ. Такъ что вы читаете, скажемъ, во вторникъ: «я васъ люб», А «лю» дочитываете уже въ среду?

Рехтбергъ. Что жъ дѣлать? Принципъ прежде всего.

Берта. Вы и здѣсь будете такой же аккуратный?

Рехтбергъ. О, mAdemoiselle, сейчасъ надо

мною не тяготятъ бремя служебныхъ обязанностей. Я рѣзвлюсь, какъ мальчикъ, хе-хе-хе! Я рѣзвлюсь. Мое намѣреніе воспользоваться своимъ отпускомъ какъ можно веселѣе. Къ тому же пользоваться имъ такъ не долго.

Маргарита Николаевна. Развѣ ты скоро ѣдешь?

Рехтбергъ. Да, Марго, къ первому сентябрю мы должны быть уже въ Петербургѣ.

Маргарита Николаевна. Какъ? и я?

Рехтбергъ. Да, Марго.

Маргарита Николаевна. Вотъ неожиданность!

Рехтбергъ. Причины я объясню тебѣ послѣ.

Кистяковъ. Да, позвольте. До русскаго перваго сентября остается всего двѣ недѣли.

Рехтбергъ. Вотъ почему, по истеченіи восьми дней, я и Маргарита Николаевна будемъ имѣть несчастіе разстаться съ прелестнымъ обществомъ, такъ обязательно посланнымъ намъ снисходительною судьбою въ очаровательномъ уголкѣ благословенной Авзоніи.

Леманъ. Лихо сказано!

Кистяковъ. А ты учись: это онъ не спроста,

А по прикладу, како пишутся знатные куплименты.

Маргарита Николаевна. Изумиль ты меня.

Амаля. Душечка, какая жалость. Да, неужели и въ самомъ дѣлѣ уѣдете?

Берта. Вильгельмъ Александровичъ, это жестоко. Вы разрушаете всю нашу колонію.

Кистяковъ. Прямо можно сказать: вынимаеете основную сваю.

Леманъ. Теперь всѣ такъ и разсыпемся.

Рехтбергъ. Хе-хе-хе! Очень лестно слышать, господа; но мы рабы обстоятельствъ.

Ларцевъ (*вбѣгаетъ съ улицы*). Что за шумъ, А драки нѣтъ?

Замѣтилъ незнакомаго.

Ой!

Маргарита Николаевна. Художникъ Ларцевъ. Мой мужъ.

Рехтбергъ (*Кистякову*). Извѣстный Ларцевъ?

Кистяковъ. Ну, да. На Римскомъ конкурсѣ медаль получилъ.

Рехтбергъ. А! (*къ Ларцеву*). Позвольте пожать вашу руку.

Леманъ. И о художникахъ освѣдомленъ. Ай да чинофонъ!

Рехтбергъ. Къ глубочайшему сожалѣнiю, мнѣ еще не случалось видѣть вашихъ картинъ, но уже заранѣе, по газетной молвѣ, я вашъ пылкiй поклонникъ.

Ларцевъ. Помилуйте!

Рехтбергъ (*Леману тихо*). Какъ ихъ имя и отчество?

Леманъ. Андрей Николаевичъ.

Рехтбергъ. Мои служебныя занятiя, уважаемый Андрей Николаевичъ, не позволяютъ удовлетворять эстетическимъ потребностямъ въ той мѣрѣ, какъ я мечталъ бы. Но одна изъ моихъ слабостей слѣдить за успѣхами русскаго...

Кистяковъ (*подсказывая*). Творчества.

Рехтбергъ. Искусства. Моя маленькая картинная галлерей, конечно, весьма небогата, но я пополняю ея недостатки, собирая иллюстрированныя каталоги всѣхъ значительныхъ выставокъ въ Европѣ.

Ларцевъ. Что жъ? Похвально.

Рехтбергъ. И съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь состоять на государственной службѣ, я поставилъ себѣ правило ежедневно посвящать полчаса обзорѣнію какого-либо изъ этихъ иллюстрированныхъ каталоговъ.

Лештуковъ. Вѣроятно, отъ восьми до половины девятаго?

Рехтбергъ. Прошу извиненія: нѣтъ. Отъ шести съ половиною до семи. Передъ обѣдомъ. Отъ восьми до половины девятаго я отдаю свое время Морфею. Затѣмъ слушаю граммофонъ.

Лештуковъ. Полезное изобрѣтеніе.

Рехтбергъ. Дешево и разнообразно.

Маргарита Николаевна. Вильгельмъ, ты, навѣрное, усталъ и голоденъ съ дороги? Хочешь отдохнуть, или закусить?

Рехтбергъ. Нѣтъ, благодарю; я вѣдь ѣхалъ въ train de luxe съ вагономъ-ресторанъ... А впрочемъ...

Маргарита Николаевна. Берточка, вы угостите насъ чѣмъ-нибудь?

Берта. На томъ стоимъ. Ничего, если я накрою столъ рядомъ съ кухнею? Наверху ремонтъ...

Убѣгаетъ въ дверь налѣво.

Маргарита Николаевна. Пойдемъ, Вильгельмъ.

Рехтбергъ (*слѣдуетъ за женою*). Сколько здѣсь картинъ! (*Ларцеву*). Это все ваши картины?

Ларцевъ. Гдѣ?

Рехтбергъ. Вотъ эта?

Леманъ фыркаетъ.

Ларцевъ. Эта? Нѣтъ, это Джуліо Романо. Копія.

Рехтбергъ. Извѣстнаго Романо?

Леманъ фыркаетъ.

Ларцевъ. Самаго извѣстнаго...

Проходятъ.

Лештуковъ. Да что же это такое? Кошмаръ? Издѣвательство?

Бросается въ качалку и закрываетъ лицо руками.

Маргарита Николаевна (*входитъ, озира-
ясь, подбѣгаетъ къ нему на цыпочкахъ; шопотомъ*). Вы умница, чудный человекъ, я въ восторгъ отъ васъ, я обожаю тебя. Вотъ видишь: вести себя прилично вовсе не такъ трудно.

Лештуковъ. Если только я не задушю его...

Маргарита Николаевна. Не надо... не надо... Бѣдный мой! Тебѣ тяжело?

Гладитъ его по головѣ.

Лештуковъ (*нетерпѣливо отстранился*). Вы ѣдете?

Маргарита Николаевна. Да, вотъ...

Лештуковъ. Значитъ, ѣдете...

Маргарита Николаевна. Иди къ намъ. Неловко, что нѣтъ тебя одного.

Лештуковъ. Сейчасъ... оставь меня, сейчасъ!

Маргарита Николаевна уходитъ, робко

опираясь, и по дорогѣ не забываетъ притупить электричество, такъ что Лештуковъ остается въ тѣни. За сценой шумъ и смѣхъ.

Рехтбергъ (выходить). Прелестно, прелестно! Вы, господа, живете здѣсь, какъ маленькіе боги, именно какъ боги.

Берта. Угощать васъ Италіей, такъ угощать. Поднимемся на крышу и будемъ музицировать подъ звѣздами. Кистяковъ, бѣгите за Джованни.

Кистяковъ. Да они здѣсь: и онъ, и Франческо. Дрыхнуть въ мастерской у Ларцева.

Ларцевъ. Такъ будите ихъ.

Амалія. Гитара здѣсь.

Леманъ. Джованни, Джованни!

Берта. А я съ мандолиною...

Рехтбергъ. Прелестно, прелестно! Я не ожидалъ. Я упоенъ... даю вамъ честное слово. И вообразите, какое счастье? Девять ринстим.

Амалія. Такъ что же?

Рехтбергъ. Какъ разъ время, когда въ Петербургъ завожу граммофонъ.

Леманъ фыркаетъ.

Берта. Ну, вотъ, видите, какъ мы вамъ по-трафляемъ.

Беретъ его подъ руку.

Рехтбергъ. Потому что, изволите ли видѣть, очаровательная Берта Ивановна, мои служебныя занятія не позволяютъ мнѣ удовлетворять э... э...

Кистяковъ (*подсказываетъ*). Эстетическимъ потребностямъ.

Рехтбергъ. Именно, благодарю васъ... въ той мѣрѣ, какъ я бы мечталъ...

Леманъ (*фыркаетъ и бѣжитъ въ мастерскую Ларцева, вопія*): Джованни! Джованни! Франческо! Франческо! Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

Рехтбергъ. Кто это Джованни и Франческо?

Кистяковъ. Не безпокойтесь. Хорошіе люди. Тоже при насъ околачиваются.

Леманъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ!..

Франческо спускается съ верха, съ свирѣлымъ видомъ, пятерней поправляетъ во-

лоса на ходу. Джованни слѣдуетъ за нимъ.

Франческо. Я тебѣ, чорту, такого Ѳедора Ѳедоровича пропишу... Сказано: не люблю...

*Расшаркивается передъ Рехтбергомъ и раз-
машисто подаетъ руку.*

Имѣю честь: Франческо-д-Арбуццо, бассо профундо assoluto и потомственный почетный гражданинъ. Джованни, андьямо.

Бѣгутъ вверхъ по широкой лѣстницѣ.

Рехтбергъ. Извѣстный?

Кистяковъ. Нѣтъ, покуда еще неизвестный.

Рехтбергъ (съ разочарованіемъ). Ну, такъ вотъ-съ... Тѣмъ не менѣе, милая барышня, одна изъ моихъ немногихъ слабостей...

Берта направляетъ его къ лѣстницѣ и ведетъ наверхъ, вся компанія съ шумомъ и смѣхомъ движется за ними. Слышны мандолина, гитара и басъ Франческо.

Лештуковъ (приподнялся съ качалки, смотритъ вслѣдъ имъ). Собственникъ и состояніе... Отправимся состоять...

Поднимается по лѣстницѣ.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе III

Мастерская Ларцева въ громадномъ и пустынномъ, какъ сарай, залъ, выходящемъ окнами на морскую набережную. Отсвѣты волнъ дрожатъ по стѣнамъ и высокому куполу зала. Слѣва высокія рѣзныя двери на выходъ, онѣ растворены настежь. При поднятіи занавѣса, трое факкино выносятъ въ нихъ большую картину, заколоченную въ ящикъ. Стѣна отъ рампы до этой двери сплошь стеклянная, полузадернутая коленкоровыми занавѣсками и подзорами. Въ глубинѣ — драпировка темно-синяго бархата: за нею маленькое жилое помѣщеніе. Справа въ углу узкая дверца на винтовую лѣстницу въ нижнія комнаты, черная деревянная, лакированная въ ростъ панели. Она дѣлаетъ очень примѣтное и дисгармонирующее пятно. Правая стѣна и выступъ задней стѣны, до драпировки, расписаны старыми батальными фресками. Въ мастерской разгромъ и беспорядокъ. Слуга Ларцева и двѣ горничныя итальянки шныряютъ по сценѣ, забирая и унося мелкія вещи. Ларцевъ, загорѣлый, въ дорожномъ ко-

стюмъ, завязываетъ большой кожаный чемоданъ; Берта, въ глубинѣ сцены, у драпировки – маленькій для вагона. Мебели очень мало. Какая есть разнокалиберная, случайная. Два-три стула очень старинныхъ. Слѣва, недалеко отъ стеклянной стѣны, и, замѣтно не на своемъ мѣстѣ, большой письменный столъ; одинъ изъ краевъ его небрежно накрытъ скатертью нѣсколько тарелокъ съ сыромъ, виноградомъ, орѣхами, нѣсколько пустыхъ и полныхъ чашекъ чернаго кофе, коньякъ и рюмки къ нему, фiasco кianti. Подлѣ въ глубокихъ креслахъ XVIII вѣка – сидитъ Лештуковъ со стаканомъ вина, пьетъ частыми и маленькими глотками, какъ человекъ, у котораго поминутно пересыхаетъ во рту. Леманъ, тоже со стаканомъ, сидитъ верхомъ на вѣнскомъ стулѣ подлѣ Ларцева.

Кистяковъ (входитъ по винтовой лѣстницѣ). Рѣшено, стало быть? Ёдешь окончательно и всенепремѣнно?

Ларцевъ. Безповоротно. Всѣ вещи уже на вокзалѣ.

Леманъ (смотритъ въ окно). Рехтберги къ

тебѣ шествуютъ. И ужасъ сколь великолепыны. Онѣ въ рединготѣ, она въ визитномъ туалетѣ.

Кистяковъ (*подбѣжалъ и заглянулъ*). Футы, ну ты, ножки гнуты!

Берта. И даже не прямо изъ своихъ апартаментовъ, А съ улицы, по парадной лѣстницѣ.

Кистяковъ. Это ужъ почета ради.

Леманъ. Вотъ что значить быть «нашимъ извѣстнымъ».

Ларцевъ (*Леману*). Отвори имъ, сдѣлай одолженіе. Маттіа уѣхалъ на вокзалъ.

Леманъ. Олль райтъ!

Уходитъ.

Ларцевъ (*Лештукову*). Богъ знаетъ эту бѣдную Джулію. Въ чемъ виновать передъ нею, самъ не знаю, А въ чемъ-то виновать.

Лештуковъ. Душа совѣстью заболѣла?

Ларцевъ. Такъ вотъ сердце и сжимается, когда вспомню о ней. И стыдно какъ-то. Будто что укралъ...

Входятъ Рехтбѣрги: мужъ и жена.

Маргарита Николаевна. Пришла пожать вамъ руку и – видите, какъ торжественно. Это, впрочемъ, Вильгельмъ Александровичъ заставилъ. Этикетъ по его части.

Рехтбергъ (со всѣми здороваётся). Хе-хе-хе! Этикетъ, даже и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, не худое дѣло-съ, далеко не худое.

Маргарита Николаевна. Здравствуйте, Дмитрій Владиміровичъ. Я не видала васъ сегодня за обѣдомъ.

Лештуковъ. Я провелъ весь день на морѣ.

Маргарита Николаевна. Въ такую-то волну?

Отходить къ мужу. Лештуковъ провожаетъ ее не добрымъ взоромъ. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ вошли Рехтберги, у него лицо и обращеніе фальшивы и непріятны. Онъ очень вѣжливъ, много улыбается, но, когда никто не обращаетъ на него вниманія, глаза его мрачны, видъ угрюмъ, въ немъ чувствуются опасная угроза, сильная ненависть. Кистяковъ, Леманъ и Берта образуютъ группу вокругъ Рехтберга, который сидитъ на

средневѣковомъ стулѣ, поставивъ около на полъ новенькій цилиндръ; Ларцевъ тоже усѣлся на вѣнскомъ стулѣ, въ обязательной позѣ хозяина, стѣсненнаго гостемъ.

Кистяковъ. Ужъ больно вы строги, Вильгельмъ Александровичъ. Мы народъ вольный. Серьезную марку выдерживать – не можемъ.

Леманъ. Гдѣ ужъ намъ, пролетаріямъ, оцѣнить напримѣръ, такое cri de Paris?

Указываешь на рединготъ Рехтберга.

Рехтбергъ (*съ любезною улыбкою*). Господа, вы в заблужденіи...

Берта. Я думаю, вамъ цыганщина наша страсть осточертѣла?

Рехтбергъ. Какъ вы изволили?

Берта. Осточертѣла. Это отъ ста чертей.

Леманъ. Для статистики, знаете. Когда человѣку такъ скучно, что онъ чертей до ста считаетъ.

Маргарита Николаевна (*Лештукову*).
Рѣшено, завтра ѣдемъ.

Лештуковъ. Завтра?

Маргарита Николаевна. Утромъ, съ паромомъ на Геную.

Лештуковъ. Вотъ какъ!

Маргарита Николаевна (*тихо*). Желаетъ испытать морскія впечатлѣнія.

Отошла.

Рехтбергъ (*съ отмѣнной граціей, защищаясь отъ фамильярнаго спора*). Вы всѣ, всѣ въ заблужденіи. Совсѣмъ нѣтъ. Цыганщина, богема... можно ли быть такъ черству духомъ, чтобы не любить богемы? Это прелестно, это поэтично. Я обожаю богему.

Кистяковъ. Это вы изъ деликатности говорите, А человѣку аккуратному съ нами, въ самомъ дѣлѣ,— смерть. По многимъ нѣмцамъ знаю.

Маргарита Николаевна. Вильгельмъ, кланяйся и благодари: ты уже въ нѣмцы попалъ.

Рехтбергъ (*съ нѣкоторымъ которымъ неудовольствіемъ*). Monsieur Кистяковъ, я долженъ исправить вашу ошибку. Я не нѣмецъ, хотя иные, по фамиліи, и принима-

ють меня за нѣмца.

Кистяковъ. Извините, пожалуйста. А, впрочемъ, что же? Обиднаго тутъ ничего нѣтъ.

Рехтбергъ. Впрочемъ, германская рыцарская кровь, дѣйствительно, текла въ предкахъ моихъ, баронахъ фонъ Рехтбергъ, гербъ и имя которыхъ я имѣю честь представить.

Леманъ. А что у васъ въ гербѣ?

Рехтбергъ. Два козла поддерживаютъ щитъ, на коемъ въ нижнемъ голубомъ полѣ плаваетъ серебряная семга, А съ верхняго краснаго простерта къ ней благодѣющая рука.

Кистяковъ. Занятная штука.

Рехтбергъ. Девизъ «Ab infimis ad excelsos». Это по-латыни.

Кистяковъ (*Бертъ*). По-русски: «изъ грязи въ князи».

Леманъ. Хотите, я нарисую вамъ все это въ альбомъ?

Маргарита Николаевна. Ахъ, Леманъ, пожалуйста; онъ у меня просто помѣшанъ на такихъ вещахъ...

Отошла къ Лештукову.

Рехтбергъ. Чрезвычайно буду вамъ обязанъ. Признаюсь: маленькая гордость своимъ происхожденіемъ – одна изъ моихъ немногихъ слабостей.

Берта. Ну, оно съ богемой плохо вяжется.

Рехтбергъ. Ахъ, вы все о богемѣ.

Маргарита Николаевна. Ты, въ самомъ дѣлѣ, былъ на морѣ?

Лештуковъ. Да. Маргарита Николаевна. Ты гребець не изъ блестящихъ, съ моремъ шутить нельзя.

Лештуковъ. Да, если мнѣ измять себя надо?

Маргарита Николаевна. Но зачѣмъ?

Лештуковъ. Затѣмъ, чтобы не чувствовать себя опаснымъ ни для себя, ни для другихъ.

Рехтбергъ (*ораторствуетъ*). Милая дружеская свобода обращенія, временами очаровательна. Особенно для нисколько смѣшанныхъ обществъ, члены которыхъ въ юности пренебрегли своимъ воспитаніемъ и отсутствіе строгаго приличія должны возмѣщать, по крайней мѣрѣ, симпатичною и

граціозною искренностью...

Леманъ (*Кистякову*). Это какъ принимать? Комплиментъ или плюха?

Кистяковъ. Распишись на обѣ стороны.

Рехтбергъ (*Бертъ*). А что я не притворно симпатизирую богемъ, вотъ наглядное доказательство: мой любимый музыкальный номеръ вальсъ изъ оперы «Богема», и я даже приобрѣлъ его для моего граммофона.

Маргарита Николаевна (*проходитъ мимо съ Лештуковымъ, къ фрескѣ на правой сторонѣ*). Ахъ, да, это правда, — надоѣдаетъ мнѣ имъ чуть не каждый вечеръ.

Рехтбергъ. Согласитесь, однако, господа, что даже въ самыхъ рѣзвыхъ и свободолобивыхъ кружкахъ также соблюдается свой этикетъ и имѣютъ мѣсто моменты, требующіе нѣкоторой торжественности. Шаферъ есть ли шаферъ, если онъ не во фракѣ, не при бѣломъ галстукѣ, безъ флеръ-д'оранжа въ петлицѣ? И, наоборотъ, явиться въ бѣломъ галстукѣ на похороны не величайшая ли безтактность, въ какую можетъ впасть порядочный человѣкъ?

Устремляетъ испытующій взоръ на Ларце-

ва.

Ларцевъ. А, право, не знаю. Я въ послѣдній разъ былъ на похоронахъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ: въ Тетюшахъ дяденьку хоронилъ. Тогда, признаться, на мнѣ галстука вовсе не было.

Рехтбергъ. То есть почему же?

Ларцевъ. Да вѣдь я нѣмецкую аммуницію только по двадцатому году на плечи вздѣлъ, а то въ зипунѣ ходилъ. Изъ мужиковъ мы, податнаго сословія.

Рехтбергъ. Да, въ такомъ случай...

Амалія и Франческа шумно входятъ съ винтовой лѣстницы.

Амалія. Съ урока. Слава Богу, не опоздали. Въ которомъ часу идетъ поѣздъ?

Ларцевъ. Въ восемь часовъ двадцать минутъ.

Амалія. Я такъ боялась, что маэстро васъ задержитъ. А онъ сегодня, какъ нарочно, такой придиричивый, требовательный.

Франческо. Опять дуэтъ пѣли.

Ларцевъ. И удачно, Франческо?

Франческо. До седьмого поту. Весь въ водѣ.

Амалія (*къ Маргаритѣ Николаевнѣ*). Что я вижу? Боже! сколько шика!

Маргарита Николаевна. Такъ много, что даже жаль его скрывать въ такомъ тѣсномъ кружкѣ. У меня сегодня голова не хороша. Хотите, Амальхенъ, прокатиться до поѣзда по маринѣ?

Амалія. Людей посмотрѣть и себя показать? Съ наслажденіемъ.

Берта. Душечки, возьмите и меня.

Маргарита Николаевна. Конечно, Берточка.

Амалія (*вынувъ изъ своей музыкальной папки шелковый кашнэ, съ громкимъ театральнымъ хныканьемъ, подходитъ къ Ларцеву и трагически подаетъ ему одною рукою кашнэ, а другою закрываетъ лицо, съ опернымъ жестомъ отчаянія*). Возьмите.

Ларцевъ. Что это?

Амалія. Кашнэ.

Ларцевъ. Зачѣмъ мнѣ? Двадцать восемь градусовъ тепла.

Амалія. Жестоки. Не понимаетъ. На память. Сама вышивала. Видите: шелками, – Андреа Ларцевъ, пѣтторе, палитра и изъ палитры кисть, кисть, кисть...

Ларцевъ. Вотъ охота была! Спасибо, Амальхень. Мнѣ даже совѣстно.

Амалія. Ахъ, это даръ непонятой и не раздѣленной любви. Мое сердце страдало, ваше не знало.

Ларцевъ. Да, вотъ развѣ, что такъ...

Берта. И послѣ такой чувствительной сцены, вы, неблагодарный, все-таки покидаете насъ? на кого?

Леманъ. А я-то?

Берта. Подите вы!

Амалія. Намъ нуженъ человекъ основательный.

Берта. Что называется protecteur et solide.

Леманъ. Ну, если для основательности, то одна вамъ надежда на его благоутробіе, почтеннѣйшаго Федора Федоровича.

Франческо. Леманъ! Опять?

Леманъ. Врешь, братъ! При публикѣ не боюсь. Помилуйте, господа: утромъ прошу у этого Гарпагона займы двадцать франковъ, не

далъ. И послѣ этого звать тебя Франческо? Врешь, хорошъ будешь и Ѳедькой.

Франческо. То есть, до чего ты въ невѣжествѣ своемъ нисколько не образованъ, это одинъ я въ состоянїи понимать.

Леманъ. Дай двадцать франковъ, стану образованный.

Амалія. Франческочка, дайте ему: неужто вамъ жалко?

Франческо. Да не жалко, А зачѣмъ онъ... Вотъ бери... только помни, чортъ: за тобою теперь сто сорокъ...

Леманъ. О, Франческо! Приди въ мои родительскія объятія.

Франческо. И брюки мои, которыя заносилъ, еще въ пятнадцати франкахъ считать буду.

Леманъ. Фу, Франческо, при дамахъ.

Амалія. Франческочка, отнынѣ вы назначаетесь моимъ безсмѣннымъ кавалеромъ.

Франческо (*съ итальянскимъ отрицательнымъ жестомъ*). Нонъ поссо.

Амалія. Ахъ, невежа! почему?

Франческо (*тыкаетъ перстомъ въ галстухъ*). Скриттурато.

Леманъ. Что-о-о?

Берта. Франческочка, неужели?

Амалия. Франческочка, быть не можетъ!

Берта. Франческочка, миленькій, куда, куда, куда?

Франческо. Въ Лодию скриттурато. Вотъ и телеграмма

Леманъ. Такого и города нѣтъ.

Франческо съ (презрѣніемъ). Скажите? Какъ же это нѣтъ, ежели аджеиція содрала съ меня тысячу франковъ за скриттуру, да еще агентъ выпросилъ перстень на память?

Кистяковъ. Дорогой?

Франческо. Съ кошачьимъ глазомъ.

Показываетъ телеграмму.

Читай, коли грамотный, вотъ!

Кистяковъ. Въ самомъ дѣлѣ скриттурато. И въ Лоди.

Франческо. Скриттурато. Въ «Лукреціи Борджіѣ» дуку изображать... «Вьени ля міавендеетта»!..

Леманъ. Ай да Франческо! Ай да потомственный почетный гражданинъ!

Кистяковъ. Вотъ Вильгельмъ Александровичъ интересовался намеренно, известный ты или неизвестный. Теперь, пожалуй, и впрямь въ известности выскочишь.

(Франческо бьетъ себя въ грудь кулакомъ).
Вьени ля міа вендеетта!

Рехтбергъ. Позвольте, уважаемый Ѳедоръ Ѳедоровичъ...

Франческо. Франческо-съ! Ежели желаете доставить мнѣ удовольствіе, Франческо Д'Арбуццо. Ѳедоръ Ѳедоровичемъ, батюшка, всякая скотина можетъ быть, А Франческо Д'Арбуццо – одинъ я.

Рехтбергъ. Позвольте, уважаемый, принести вамъ мое искреннѣйшее поздравленіе съ первымъ успѣхомъ вашей карьеры, которую, мы надѣемся и не смѣемъ сомневаться, вы, подобно другимъ, присутствующимъ здѣсь, блестящимъ представителямъ русскаго таланта...

Кистяковъ. Помилуйте! |

Леманъ. Много чести! |

Амалия. Кланяемся и благодаримъ!

| Вмѣстѣ.

Берта. Слушайте, слушайте, слушайте! |

Рехтбергъ. Прославите и поддержите репутацию русскаго генія подѣ вѣчно яснымъ небомъ, разстилающимся надъ родиною искусствъ.

Молодежь рукоплещетъ.

Франческо (снисходительно). Это наплевать.

Рехтбергъ. Виновать: я не разслышалъ...

Франческо. Наплевать, говорю. Это все можно. Потому что силу въ грудяхъ имѣю... Вьени ля мѣа вендеетта.

Лештуковъ (*Маргаритѣ Николаевнѣ*). Мы должны видѣться сегодня.

Маргарита Николаевна. Гдѣ же? Когда? Ты видишь, мы все время на чужихъ глазахъ.

Лештуковъ. Ночью послѣ ужина ты будешь здѣсь у меня.

Маргарита Николаевна. Право, Дмитрій...

Лештуковъ. Ты будешь.

Маргарита Николаевна. Ахъ, оставь! Глупо! Самъ знаешь, что невозможно.

Лештуковъ. Это свиданіе мнѣ необходимо. Надо сдѣлать невозможное, сдѣлай. Я прошу,

умоляю, требую. Что же? Ты хочешь заставить меня грозить?

Маргарита Николаевна (не скрывая досады). Ну, хорошо... Устроюсь какъ-нибудь, приду.

Рехтбергъ подходит къ нимъ.

Рехтбергъ. Дмитрій Владимировичъ кажется мнѣ сегодня не совсѣмъ здоровымъ.

Лештуковъ. Душитъ... сирокко.

Ларцевъ. Къ ночи надо ждать бури.

Рехтбергъ. Если позволите, у меня всегда имѣется при себѣ гомеопатическая аптечка. Прелестнѣйшія крупинки противъ астмы.

Леманъ. Такъ я и зналъ, что онъ фаршированъ чѣмъ-нибудь этакимъ.

Лештуковъ. Благодарю васъ: я аллопать.

Подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ вина и выпиваетъ залпомъ. Рехтбергъ смотритъ на него съ нѣкоторымъ ужасомъ.

Кистяковъ. Ого!

Лештуковъ. Благословенъ аптекарь, кото-

рый сочинилъ эту микстуру.

Маргарита Николаевна (*съ укоризною*).
Дмитрій Владимировичъ!

Леманъ (*также наливаетъ и пьетъ*). Мы съ Дмитриемъ Владимировичемъ сегодня послѣ обѣда вторую фіаску почали.

Франческо. Челебрита.

Лештуковъ. Что, Франческо?

Франческо. Говорю: на счетъ, чтобы выпить, большая вы у насъ челебрита.

Рехтбергъ (*женѣ*). Весьма милый человѣкъ, этотъ вашъ знакомый, г. Лештуковъ. Жаль, что, при его любезности и дарованіяхъ, онъ совершенно лишенъ характера.

Маргарита Николаевна. Почему вы это заключили?

Рехтбергъ. Прежде всего потому, что онъ пьетъ слишкомъ много вина, тогда какъ, при его нервности, это должно быть ему вредно, чего онъ, какъ умный человѣкъ, не сознавать не можетъ.

Маргарита Николаевна *насмѣшливо смотритъ на мужа и злобно улыбается.*

Рехтбергъ. Смѣю спросить о причинѣ вашего веселаго настроенія?

Маргарита Николаевна. Мнѣ смѣшно, что за все знакомство съ Лештуковымъ, съ извѣстнымъ Лештуковымъ, вы только и сумѣли разглядѣть въ извѣстномъ Лештуковѣ, что онъ пьяница.

Рехтбергъ (*съ холоднымъ, острымъ взглядомъ*). Нѣтъ, прошу извинить: вы ошибаетесь. Я только-что имѣлъ честь замѣтить вамъ, что считаю вашего знакомаго очень порядочнымъ человѣкомъ. И, благодаря порядочности, я разглядѣлъ въ немъ только одинъ недостатокъ, тогда какъ иначе имѣлъ бы право разглядѣть много... И... неужели вы желали бы этого?

Маргарита Николаевна (*струсила*). А! Мнѣ все равно.

Отходить.

Рехтбергъ (*смотритъ на часы*). О.... А мнѣ еще надо написать нѣсколько писемъ... Андрей Николаевичъ, еще разъ позвольте выра-

зить... Счастливъ, счастливъ знакомствомъ. Надѣюсь, что въ Петербургъ... Маргарита Николаевна, проси.

Маргарита Николаевна. Я еще на вокзалѣ его увижу. До свиданія, Ларцевъ, мы, съ примадоннами подѣдемъ къ поѣзду.

Амалия (Лештукову). Музыкъ мой можно тутъ у васъ оставить?

Лештуковъ. Хоть цѣлый нотный магазинъ.

Маргарита Николаевна. Берточка, А ваша шляпа?

Берта. Сейчасъ, душечка, сейчасъ!

Убѣгаетъ по винтовой лѣстницѣ.

Маргарита Николаевна. Мы будемъ ждать васъ внизу въ экипажѣ.

Уходитъ съ Амаліей въ главныя двери.

Рехтбергъ (Ларцеву). Если могу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ, мое маленькое вліяніе къ вашимъ услугамъ.

Ларцевъ. Благодарю васъ. Нѣтъ. Что же? Я

самъ по себѣ... человекъ тѣневой.

Рехтбергъ. Знаете, и въ вашей свободной профессіи бывають случаи: пріобрѣтеніе для музея или какое-нибудь интересное посѣщеніе....

Ларцевъ (уже нѣсколько нахмурился). Чувствительнѣйше вамъ благодаренъ. Будьте здоровы. Всего лучшаго.

Провожаетъ его къ главной лѣмтницѣ.

Кистяковъ (у стола). Итакъ, друзья мои, какъ говорится въ какой-то комедіи, другъ нашъ, Андрей Николаевичъ Ларцевъ исчезаетъ, и все, что было въ немъ пріятнаго, исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ. По сему случаю, приглашаю васъ наполнить чаши благороднымъ тосканскимъ виномъ. Пожелаемъ путешественнику всѣхъ благъ земныхъ, и прежде всего, чтобы его поѣздъ не соскочилъ съ рельсовъ, А всѣмъ намъ скорѣйшаго съ нимъ дружескаго свиданія.

Рѣзкій и короткій стукъ въ двери, затѣмъ быстро входитъ Джулія; она запыхалась отъ

ходьбы, блѣдна, какъ полотно, никому не поклонилась, идетъ прямо къ Ларцеву.

Кистяковъ. Это называется: прерванный спичъ или вотъ что значить не запирать дверей за знатными иностранцами.

Ларцевъ (идетъ навстрѣчу Джуліи; смущень). Вотъ какъ хорошо вы сдѣлали, что пришли.

Джулія (смотритъ прямо въ лицо ему). Вы уѣзжаете, не простившись со мною, синьоръ.

Ларцевъ. Такъ надо, Джулія.

Джулія съ укоризною, качая головой, молча смотритъ на Ларцева взглядомъ безнадежнаго отчаянія.

Леманъ (у стола, прочимъ). Ага! Котъ сливки слизнулъ, — да ужъ и думаль, что не высѣкутъ.

Франческа фыркаетъ.

Лештуковъ. Нехорошо, Леманъ.

Ларцевъ. Такъ надо, такъ лучше будетъ.

Вы сами знаете.

Джулія молчитъ, качая головой.

Франческо. А она его не пырнетъ?

Кистяковъ. Что за глупости?

Франческо. То-то, А то можно и полицію
кликнуть.

Ларцевъ. Когда-нибудь мы встрѣтимся съ
вами при лучшихъ обстоятельствахъ и
веселѣе, чѣмъ сейчасъ.

Джулія. Можетъ быть.

Леманъ. Ой, пырнетъ?

Франческо. Вѣниля міа венде-е-етта!

Кистяковъ. Что, чертова перечница? Бу-
дешь въ другой разъ обольщать благородны-
хъ дѣвиць?

Леманъ. Удивительное дѣло, братцы мои,
откуда бы нашъ братъ, російскій художникъ,
ни уѣзжалъ, непременно по немъ натурщица
плачетъ.

Ларцевъ. Джулія, я просилъ Лештукова пе-
редать вамъ...

Джулія. О, синьоръ, мы съ вами въ полно-
мъ расчетъ.

Ларцевъ. Но я полагаю, что вы не откажетесь принять отъ добраго друга маленькій подарокъ? Скажу вамъ откровенно: никакими деньгами не окупить услугъ, оказанныхъ вами моею картинъ.

Джулія. Деньги, когда ихъ дарятъ друзья, говорятъ, приносятъ несчастье, синьоръ.

Ларцевъ. Такъ засчитайте то, что вамъ передастъ Лештуковъ, въ плату за сеансы. А на память обо мнѣ – примите вотъ это.

Снялъ съ себя часы красивый, старинный хрономѣтръ, съ множествомъ брелочковъ на цѣпочкѣ и подалъ Джуліи.

Леманъ. Кажется, пошли въ ходъ вещественные знаки невещественныхъ отношеній.

Джулія. Я не возьму, синьоръ, это слишкомъ дорогою подаркомъ. И съ этими привѣсками, конечно, для васъ связаны воспоминанія.

Ларцевъ. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ оставить эту вещь у такой хорошей дѣвушки, какъ вы, Джулія.

Джулія. Благодарю васъ. Они у меня какъ святые будутъ.

Порывисто подаетъ ему обѣ руки, который онъ долго и крѣпко пожимаетъ.

Кистяковъ. Однако, милый человекъ, до поѣзда осталось ровно полчаса.

Лештуковъ. Если вы намѣреваетесь выдержать прощальную овацію на вокзалѣ, то вамъ время.

Леманъ. Въ потемкахъ поѣдешь.

Кистяковъ. Да, рано стемнѣло: въ самомъ дѣлѣ, гроза идетъ.

Лештуковъ (*прошелъ мимо Ларцева и Джуліи тихо*). Поѣзжайте, что тянуть? Только спектакль постороннимъ.

Ларцевъ. Вѣрно, вѣрно.

Отходить отъ Джуліи, съ досадою теребя бороду.

Нѣтъ, что же, однако, я у этой дѣвчонки укралъ?

Леманъ (*Ларцеву на ухо*). Андрикъ. Честно.

Благородно... дай на прощанье двадцать франковъ займы.

Ларцевъ. Поди ты къ чорту! Тебя еще не доставало.

Кистяковъ. Ёхать, такъ ёхать, какъ говорилъ попугай, когда кошка тащила его за хвостъ.

Ларцевъ. Ты совершенно правъ: мой отъѣздъ путешествіе именно въ этомъ родѣ. Прощайте, Джулія, дорогая. Храни васъ Богъ! Дмитрій Владимировичъ, до скорого свиданія въ Римѣ.

Быстро, нервно, крѣпко жметъ имъ руки уходитъ по главной лѣстницѣ. Леманъ, Франческо, Кистяковъ слѣдуютъ за нимъ. Лештуковъ провожаетъ ихъ на лѣстницу. Джулія бросилась къ окну и замерла. Глухой шумъ отъѣхавшаго экипажа.

Лештуковъ (возвращается, открываетъ электричество). Джулія!

Джулія не отвѣчаетъ.

Лештуковъ. Джулія!

Джулія не отвѣчаетъ.

Лештуковъ (*подходитъ къ ней и слегка касается ея плеча*). Джулія!

Джулія. А, это вы... Вы замѣтили: онъ на меня послѣднюю взглянулъ, когда уходилъ отсюда... и еще кивнулъ мнѣ головой, когда сѣлъ въ экипажъ...

Лештуковъ. Джулія!

Джулія (*рѣзко и быстро*). Онъ, кажется, оставилъ вамъ деньги для меня? Они съ вами? Дайте.

Лештуковъ (*смотритъ на нее съ удивленіемъ. Въ сторону*). Довольно прозаической финалъ для столь возвышенной драмы.

Открываетъ письменный столъ, вынулъ столбикъ золота, завернутый въ бумагу, передаетъ Джуліи.

Получите.

Джулія. Онъ сейчасъ, дѣйствительно, въ Римъ поѣхалъ?

Лештуковъ. Да, кажется.

Джулія. Я на эти деньги за нимъ поѣду, синьоръ.

Лештуковъ. Напрасно, Джулія.

Джулія. Да, синьоръ. Не качайте головой: поѣду и найду его, гдѣ бы онъ ни былъ, въ Римѣ, въ Неаполь, въ Миланѣ.

Лештуковъ. Эхъ, Джулія, ничего изъ этого не выйдетъ. Не пара вы.

Джулія. Синьоръ, онъ сынъ крестьянина, какъ и я... Развѣ ваши крестьяне благороднее нашихъ?

Лештуковъ. Да не то, Джулія. Не о происхожденіи рѣчь... А не годитесь вы другъ для друга.

Джулія. Синьоръ... синьоръ... не людямъ, мнѣ судить объ этомъ. Мое сердце выбрало его.

Лештуковъ. Ну, А его сердце не хочетъ и не умѣетъ знать ничего, кромѣ своего таланта, который у него, дѣйствительно, огромный... Вотъ вамъ никогда и не понять другъ друга.

Джулія. Талантъ... даръ божій... А моя красота развѣ не великій даръ Божій? Если Богъ одарилъ его, то и меня Онъ не обидѣлъ. Мы

оба равны передъ Нимъ, синьоръ.

Лештуковъ. Да, вы прекрасны, Джулія. И вы хорошая дѣвушка. Вы стоите большой любви.

Джулія. Онъ не любитъ меня, синьоръ, но долженъ будетъ полюбить. Потому что иначе... отъ любви, какая въ моемъ сердце, надо умереть, синьоръ! (*Поклонилась Лештукову и быстро побѣжала къ выходу*).

Лештуковъ. Любовь сильна, какъ смерть. О, Соломонъ, мудрый царь Израиля!

Отворилъ окно и стоитъ около него. Комната наполняется шумомъ грозно ревущаго моря, небо совершенно черно и вспыхиваетъ по временамъ яркими зарницами...

Ого, какъ расходилась. А воздуха всетаки ни на вздохъ. Точно свинецъ въ легкихъ.

Идетъ за драпировку: приостанавливается.

Въ концѣ концовъ дерево этотъ Ларцевъ.

Стукъ подъѣхавшаго экипажа.

Неужели наши.

Выходитъ изъ-за драпировки переодѣтый въ легкую шелковую блузу. Перевѣсилъ за окно.

Отчего такъ скоро?... Не слышу...

Переходитъ къ винтовой лѣстницѣ и, открывъ дверь, перекликается съ Амаліей и Бертой.

Лештуковъ. Проводили?

Амалія. Едва успѣли. Наши часы врозь съ желѣзнодорожными на цѣлыя десять минутъ.

Берта. Чуть чуть успѣлъ вскочить въ поѣздъ. Велѣтъ вамъ кланяться.

Лештуковъ. Спасибо.

Амалія. Сойдете внизъ ужинать?

Лештуковъ. Нѣтъ, благодарю. Нездоровится, хочу въ постель.

Амалія. Ой, какая скука!

Берта. Мы совсѣмъ одни. Маргарита Нико-

лаевна тоже съ мигренью, прошла прямо къ себѣ.

Лештуковъ. А художники?

Амалія. Закатились въ курзалъ.

Лештуковъ. На всю ночь, конечно?

Берта. Вероятно. Франческо угощаетъ по случаю скриттуры.

Лештуковъ. Жалѣю, что не могу сдѣлать вамъ компанію. Я уже раздѣтъ.

Амалія. Если такъ, Берточка, не отправиться ли и намъ по своимъ коморкамъ? Ёсть совсѣмъ не хочется.

Берта. Я бутербродъ захвачу. Въ постели съѣмъ.

Амалія. Ну, покойной ночи.

Лештуковъ. Покойной ночи.

Отходить.

Берта. Да! Дмитрій Владимировичъ!

Лештуковъ (возвращается). Ну-съ?

Берта. Осмотрите наружную дверь мнѣ показалось, что она у васъ открыта.

Лештуковъ. Хорошо. Сейчасъ.

Амалія. Еще заберется кто-нибудь.

Лештуковъ. Кому тамъ? Покойной ночи.

Прошелъ къ выходной двери и распахнулъ ее: за нею въ темнотѣ стоитъ Альберто, смущенный, блѣдный, слегка выпившій.

Лештуковъ. Визитъ поздній и весьма некстати, но не скажу, чтобы неожиданный.

Альберто (*мнетъ шляпу въ рукахъ*). Простите.

Лештуковъ. Я такъ и думалъ, что вы не утерпите, чтобы не зайти.

Альберто. Онъ уѣхалъ, синьоръ?

Лештуковъ. Какъ видите.

Альберто. Это вы его заставили, не правда ли?

Лештуковъ. Заставить я не могъ, А совѣтовалъ очень.... Ой, какъ вы скверно выглядите.

Альберто. Я съ утра ничего не ѣлъ и не могу ѣсть. Все противно... за то жаждою глотку сожгло. Стаканъ вина позвольте, синьоръ?

Лештуковъ. Сдѣлайте одолженіе... Чокнемся, Альберто.

Альберто (*пьетъ и потомъ съ громадны-*

мъ облегченіемъ вздыхаетъ). Такъ это вѣрно? Уѣхалъ и не вернется?

Лештуковъ. Ни въ какомъ случаѣ.

Альберто. Стало быть, есть еще честные люди на свѣтѣ. Тѣмъ лучше для него. (*Бросаетъ стаканъ объ полъ*). Синьоръ, такъ да разлетятся всѣ злыя мысли.

Лештуковъ (*глухо*). Аминь!

Альберто (*со слезами на глазахъ, дружески трясетъ ему руку*). Синьоръ, вы меня изъ мертвыхъ подняли.

Лештуковъ. Богъ съ вами! Не преувеличивайте.

Альберто. Вы уѣдете далеко, вы большой баринъ, А все-таки помните, что у васъ здѣсь есть другъ, который для васъ, если понадобится, не пожалѣетъ жизни.

Лештуковъ. Спасибо, Альберто. Не волнуйтесь такъ. Я не сдѣлалъ ничего особеннаго. Хорошо, что дѣло кончилось миромъ: вотъ что главное.

Альберто. Я радъ, очень радъ, что мнѣ не надо обижать художника. Опъ мнѣ нравится, я хотѣлъ быть ему другомъ. Но что дѣлать? Жизнь приказывала его убить.

Лештуковъ. Мой совѣтъ: не слишкомъ преслѣдуйте Джулію. Пусть опомнится, придетъ въ себя: дайте влюбленности остыть – самолюбію успокоиться. Лишь бы она сторяча не сдѣлала какой-нибудь дикости.

Альберто. Все равно, синьоръ. Отъ судьбы не уйдешь. Мнѣ вотъ уже который день кажется, что я пропащій человекъ. Кто-то темный гонится за мною по пятамъ, и добромъ намъ съ Джуліей не разойтись.

Лештуковъ. Вы сами сказали сейчасъ: да погибнуть злыя мысли.

Альберто. Что же? Галеры, такъ галеры. Только я и на галерахъ не позабуду вашего стакана вина и вашей ласка.

Лештуковъ. Затѣмъ на галерахъ? Мы еще увидимся и въ Віареджіо.

Альберто. Хорошо знать, что имѣешь преданнаго друга, даже когда живешь на другомъ концѣ свѣта. Помните, синьоръ: нѣтъ услуги, которой не сдѣлалъ бы для васъ я, матросъ Альберто... Ваши друзья – мои друзья. Ваши враги мои враги. Это говорю вамъ я, матросъ Альберто. Вы меня поняли?

Лештуковъ (глухо). Думаю, что понялъ.

Альберто. Такъ вотъ помните... Пріятныхъ сновидѣній, синьоръ.

Лештуковъ. И вамъ.

Альберто (обернулся въ дверяхъ, въ важной позѣ). Ваши враги – мои враги. А я – матросъ Альберто.

Лештуковъ (запираетъ за нимъ дверь на ключъ и гаситъ электричество, за исключеніемъ одного рожка за драпировкою. Сцена погружается въ полумракъ, освѣщенная лишь узкимъ лучемъ изъ-за драпировки.

Лештуковъ. Если-бы я былъ подлець, то два слова этому преданному другу, и за горло г. Рехтберга я не поставлю одной лиры.

Заглядываешь на винтовую лѣстницу.

Темно... тихо... разошлись... Точно колодець... Да, еще окно...

Идетъ затворитъ окно, задергиваетъ его коленкоромъ. Отверстіе двери на винтовую лѣстницу вспыхнуло на мгновеніе отсвѣтомъ электричества, открытаго въ нижней комнатѣ, и мгновенно же погасло. Вслѣдъ затѣмъ

Маргарита Николаевна, въ бѣломъ пеньюарѣ показывается въ той же двери, оглядѣлась, идетъ къ письменному столу.

Маргарита Николаевна. Предупреждаю тебя: я долго остаться не могу – я очень рискую. Ты заставилъ меня сдѣлать большую подлость. Ты знаешь, что я иногда принимаю сульфональ. Вильгельмъ всегда пьетъ на ночь сельтерскую воду, и я ему дала тройную дозу этой мерзости сульфонала... Конечно, это безвредно, но... мнѣ казалось, что я дѣлаю шагъ къ преступленію. Сейчасъ Вильгельмъ спитъ, какъ... Очень крѣпко спитъ.

Лештуковъ. Ты хотѣла сказать: какъ убитый, и не рѣшилась?

Маргарита Николаевна. Да, неприятное сравненіе.

Садится слѣва.

Лештуковъ (*медленно прошелся по комнатѣ и остановился за кресломъ Маргариты Николаевны*). Я хотѣлъ убить его.

Маргарита Николаевна. Какой ужасъ!

Лештуковъ. Да... хотѣлъ.

Маргарита Николаевна. Я чувствовала, что ты всѣ эти дни именно о чемъ-то такомъ думалъ.

Лештуковъ. Но я не могу. Нѣтъ. Я много думалъ. Отъ мыслей у меня голова стала вотъ такая. Не могу.

Маргарита Николаевна *встала, подойдя къ нему, руки на его плечи.*) Ты и убійство развѣ это совмѣстимо?

Лештуковъ. Отчего нѣтъ? Отчего нѣтъ? У меня отнимають мое счастье, я долженъ защищаться.

Маргарита Николаевна. Милый мой, да вѣдь счастье-то наше было краденое.

Лештуковъ. Неправда, краденаго счастья я не хотѣлъ. Ты знала, какъ, я смотрю на дѣло. Если ты понимала, что не можешь дать мнѣ иного счастья, кромѣ краденаго, какъ рѣшилась ты остаться на моей дорогѣ? Какъ смѣла ты дѣлить мою любовь?

Маргарита Николаевна. Кажется, ты уже не Вильгельма, А меня убить хочешь?

Лештуковъ. Въ самомъ дѣлѣ не знаю, что лучше, — отдать тебя твоему... собственнику, или убить тебя, вотъ на этомъ мѣстѣ, и само-

му умереть съ тобою.

Маргарита Николаевна. Тѣ, кого на словахъ убиваютъ, два вѣка живутъ.

Лештуковъ. Не шути! Не время. Не дразни дьявола, въ борьбѣ съ которымъ я изнемогаю.

Маргарита Николаевна. Ты невозможенъ. Шумишь такъ, что весь домъ разбудишь. Чего ты хочешь? Развѣ я тебя не люблю? Ты не смѣетъ этого сказать. Да, не смѣешь. Пусть будетъ по-твоему: я труслива, я мелка, я не могу отвѣчать на твое чувство съ тою силою, какъ ты желаешь. Но, какъ я могу и умѣю, я тебя люблю и надѣюсь любить очень долго. Ты человекъ независимый. Самъ себѣ судья, никто тебѣ не страшенъ. А я сама себя нисколько не боюсь, людей же ужасно. Я тебѣ говорила, что если бы открыто сошлась съ тобою, то измучила бы и самое себя, и тебя. Жаль, нельзя попробовать. Это было бы лучшимъ лекарствомъ отъ твоей болѣзни мною.

Лештуковъ. Болѣзни?

Маргарита Николаевна. Да, ты любишь меня неестественно, ты слишкомъ полонъ чувствомъ ко мнѣ. Я не могу вѣрить въ нормальность такой страсти. Право, ты на любви

ко мнѣ немножко сошелъ съ ума, какъ другіе бываютъ помѣшаны на римскомъ папѣ, на свадьбѣ съ китайскою императрицею... Я твоя манія, твоя болѣзнь. И это очень утѣшительно. Отъ болѣзни вылечиваются, отъ любви никогда.

Лештуковъ. Это недурно сказано. Ты умна!

Маргарита Николаевна. Дурой меня еще никто не считалъ, хотя я иногда веду себя, какъ дура. Если бы не маленькое сумасшествіе, могъ ли ты полюбить меня? Я совсѣмъ не въ твоемъ характерѣ. Взгляды на общество у насъ разные. Требованія отъ жизни тоже. Ужъ одна возможность огласки представляется мнѣ такимъ страхомъ, что, право, мнѣ не пережить его... Я зачохну, я захирѣю.

Лештуковъ. А тебѣ не страшно, что я могу дойти до презрѣнія къ тебѣ? Мнѣнїе нѣсколькихъ ханжей и кумушекъ тебѣ дороже моего?

Маргарита Николаевна. Представь: дороже. Мой здравый смыслъ велитъ мнѣ считать правыми ихъ, а не тебя. Они – общество, ты единица. Да. Пора бы тебѣ догадаться, что въ душѣ я гораздо больше съ ними, чѣмъ съ то-

бой. Я дитя толпы. Рѣзкая оригинальность, смѣлое положеніе, особнячество меня пугаетъ. Я готова любоваться ими вчужѣ и издали, готова играть въ нихъ, какъ роль въ спектакль, но стать въ нихъ серьезно нѣтъ, благодарю покорно. Я будничная и только умѣю дѣлать видъ, будто я для праздниковъ.

Лештуковъ. Ты не была такою, когда я тебя узналъ.

Маргарита Николаевна. Нѣтъ, была. Только ты не видалъ. Ты не хотѣлъ видѣть. Ты слишкомъ поэтъ и фантазеръ. Ты сочинилъ себѣ меня по своему вкусу, А потомъ влюбился въ свою выдумку. Я это хорошо видѣла, но не могла тебя предостеречь.

Лештуковъ. Почему?

Маргарита Николаевна. Во-первыхъ, ты мнѣ не повѣрилъ бы. Затѣмъ, мнѣ очень льстило, что ты такъ красиво обо мнѣ думаешь. И, наконецъ, ты мнѣ очень нравился. Мнѣ хотѣлось угодить тебѣ. И... я немножко играла.

Лештуковъ. Зная, что изъ этого не выйдетъ ничего добраго?

Маргарита Николаевна. Кто же могъ ду-

мать, что на свѣтѣ еще водятся такіе бѣшеные, какъ ты.

Лештуковъ. Ахъ, Маргарита, Маргарита!

Маргарита Николаевна (*жалобно*). Право, я сама не рада, что у меня такая сухая натура, что я такъ мало умѣю любить... Но зато, сколько есть любви у меня въ сердцѣ, она вся твоя. Мнѣ подумать страшно, какъ я буду безъ тебя... я такъ къ тебѣ привыкла...

Заплакала.

Ты поступаешь жестоко, А не я. Ты ставишь мнѣ свои ужасныя – или-или. Точно топоромъ рубишь. А я люблю, какъ любится и какъ можно любить. Если бы ты, действительно, меня любилъ, ты бросилъ бы свои громкія фразы, сумѣлъ бы ужиться съ Вильгельмомъ. Подумай, глупый! Чѣмъ мѣшаетъ онъ тебѣ, если я вся твоя, ему принадлежу только по имени?

Лештуковъ. Вѣчно лгать?

Маргарита Николаевна. Ну, и лгать. Что за правдивость особенная напала? Ты сейчасъ произносишь слова пострашнѣе, чѣмъ

«лгать». Ты Вильгельма убить собирался.

Лештуковъ. Чего же именно ты хочешь отъ меня?

Маргарита Николаевна. Ты это какъ спрашиваешь, серьезно или опять для сцены и криковъ?... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты, мѣсяца два спустя, пріѣхалъ въ Петербургъ.

Лештуковъ. Зачѣмъ? Чтобы любоваться твоимъ семейнымъ благополучіемъ и слушать мудрыя рѣчи Вильгельма Александровича?

Маргарита Николаевна. Петербургъ великъ. Ты можешь никогда не видать Вильгельма и каждый день видѣть меня.

Молчаніе, слышенъ шумъ нарастающаго прибоя.

Ночь черна, какъ тюрьма. Сквозь занавѣсы на окнахъ поблескиваютъ яркія зарницы... Робко кладетъ руку на голову Лештукову.

Придешь?

Лештуковъ. Не знаю.

Маргарита Николаевна. Я буду думать, что придешь...

Лештуковъ молчитъ.

Ты позволяешь мнѣ ждать?

Лештуковъ (внезапно сползъ съ кресла и очутился у ногъ ея). Не знаю я... Ничего не знаю. Сдѣлать, какъ ты просишь, гнусно. Потерять тебя страшно... Я не въ силахъ разобратъся... Это послѣ придетъ. Но если я приду, это будетъ ужъ не то, что было... Я прощаюсь съ мечтою... Прощаюсь съ мечтою хорошаго и честнаго счастья... Со свѣтомъ любви... А тамъ будутъ потемки: рабская ложь и рабская чувственность.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе IV

Набережная въ Віареджіо съ молотомъ, уходящимъ далеко въ море. На горизонтѣ дымитъ большой пароходъ. У набережной, на якорѣ или привязанный къ толстымъ каменнымъ тумбамъ, качаются барки, галіоты. Цѣлый лѣсъ снастей. Въ глубинѣ, разбиваясь о волнорѣзы мола, всплескиваются пѣнистые валы. Время за полдень. Поэтому на молѣ тихо и пустынно. Только далекая группа рыбаковъ тянетъ сѣть, сверкающую серебряными рыбками. По набережной и въ судахъ около нѣскольکو матросовъ спятъ въ растяжку. Правая сторона сцены начало набережнаго бульвара, лѣвая даетъ перспективу на рынокъ, — вдалекѣ подъ краснымъ маякомъ и старой обомщенной башней. При поднятіи занавѣса, пароходъ даетъ гудокъ. Леманъ стоитъ на набережной слѣва и говоритъ съ хозяиномъ одной изъ барокъ. Тотъ улыбается и киваетъ головою.

Кистяковъ и Франческо входятъ съ бульвара съ простынями на плечахъ.

Франческо. А мы тебя поджидали у Черри.

Леманъ. Только что собирался итти. Вонъ съ этимъ гидальго заговорился. Торговаль его вести Рехтберговъ на пароходъ.

Кистяковъ. Засидѣлись они въ Віареджіо.

Леманъ. Вильгельмъ Великолѣпный прямо въ отчаяніи: чуть не двѣ недѣли просрочилъ.

Кистяковъ. Успѣтъ адмиралтейской пушки наслушаться.

Франческо. И хитрячка же, братцы мои, эта Маргарита!

Кистяковъ. Дама съ дарованіемъ!

Леманъ. Этакіе, можно сказать, идеальныя башенныя часы, какъ ея высокопочтенный супругъ, — и тѣ умудрилась привести въ опозданіе.

Кистяковъ. И болѣла-то она, и портниха-то съ дорожнымъ платьемъ опоздала, и по пятницамъ-то не выѣзжаю, и тринадцатое-то число день тяжелый, и съ эмигрантскимъ пароходомъ ѣхать нельзя: вѣрная зараза, и покойнаго моря боюсь.

Франческо. У бабы 77 увертокъ, покуда съ

печи летить.

Кистяковъ. И что ей здѣсь такъ особенно любо. Сезонъ кончается, съ литераторомъ, сколько замѣчаю, дѣло пошло на разстройство.

Леманъ. Да, онъ сильно отъ нея откачнулся.

Кистяковъ. А, впрочемъ, пожалуй, именно потому и капризничаетъ. Таково ужъ ихъ дамское сословіе. Покуда ты къ дамъ всей душою, она тобой помыкаетъ, А чуть ты къ ней спину поворотилъ, тебя-то одного ей, голубушкѣ, оказывается, и не достаетъ.

Франческо. Ля донна е мобиле.

Леманъ. Да вѣдь у блистательнаго Деметріо тоже равнодушіе-то лыкомъ шитое. Что-то ужъ слишкомъ его въ мореплавательную трагедію ударило. Какъ на море погода, такъ его чортъ и толкаетъ въ лодкѣ кататься.

Кистяковъ. Еще счастливъ его Богъ, что намедни прибоемъ на берегъ выбросило. Лодка въ дырьяхъ, одно весло сломано, другое потерялъ.

Франческо. Самъ весь въ синякахъ, въ царапинахъ... суцій идолъ морской...

Леманъ. Подъ Шелли гримируется. Шелли въ этихъ мѣстахъ утонулъ – ну, и нашему охота.

Кистяковъ. Какой тамъ Шелли! Просто дурить. По-моему, ежели ты топиться хочешь, то и топись взаправду оптомъ, А въ розницу одна блажь. Не люблю.

Леманъ. Ай скучища же стала, братцы, у Черри съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Джулія.

Франческо. Вернулась.

Леманъ. Ой ли? видѣли? служить?

Кистяковъ. Нѣтъ еще. При насъ пришелъ какой-то рыбакъ....

Франческо. Иль пескаторе.

Кистяковъ. Предупредить Черри, что видѣлъ ее на рынкѣ. Тотъ на радости насъ даже вермутомъ угостилъ.

Франческо. Прекрасный вермутъ: прямо изъ Турина.

Кистяковъ. А рыбака сейчасъ же погналъ къ ней звать на мѣсто.

Леманъ. Очень радъ. А то я уже собирался перейти въ другое *stAbilimento*. У Черри одинъ Альберто его прелестный что крови испортить. Постоянно пьянъ, мужчинамъ гру-

бить, съ дамами нахальничаетъ.

Кистяковъ. А какой хороши паренъ былъ въ начали сезона!

Леманъ. Да, но теперъ въ него просто вселился чортъ... Совсѣмъ бездѣльникъ.

Франческо. И зазнался мочи нѣтъ.

Кистяковъ. Ну, ужъ въ этомъ наши же Ларцевъ съ Лештуковымъ виноваты... Нянчились съ нимъ, за ровню себѣ держали, вотъ и вынянчили сокровище!

Леманъ уходитъ направо по набережной мимо бульвара, Кистяковъ и Франческо налево, пересѣкая рынокъ.

Кистяковъ (*вслѣдъ Леману*). Ты не слишкомъ увлекайся купаньемъ: надо проводить великолѣпнаго Вильгельма честь честью...

Франческо. Конъ уна помпа.

Леманъ. Ладно!..

Джулія и рыбакъ входятъ съ бульвара.

Джулія – она очень похудѣла, поблѣднѣла и похорошѣла. Хорошо. Скажи хозяину, что я

хоть завтра же приду на работу. Впрочемъ, послѣ съесты, я сама зайду къ нему, тогда и условіе напишемъ...

Рыбакъ кивнулъ головою и уходитъ.

Джулія. Какая пустыня! Словно всѣ мертвые!.. И какая тоска!..

Идетъ на молъ, садится на одну изъ якорныхъ тумбъ.

Съеста уже къ концу. На нѣкоторыхъ судахъ проснулись матросы. На рынкѣ открылись двѣ-три лавчонки. Нѣсколько горожанокъ проходятъ мимо бульвара и съ бульвара, по направленію къ рынку. Замѣтивъ Джулію, онѣ перешептываются, пересмеиваются. Нѣкоторыя смотрятъ на нее съ презрительнымъ вызовомъ, другія чопорно проходятъ мимо, дѣлая видъ, будто ее не узнаютъ. Когда проходитъ первая группа, Джулія сдѣлала было движеніе къ нимъ навстрѣчу, но, замѣтивъ враждебное настроеніе женщинъ, остается у своей тумбы, съ гордо сложенными на груди руками, неподвижная, какъ статуя, смѣло

встрѣчая недружелюбные и насмѣшливые взоры. Когда все прошли:

Узнать не хотятъ... вотъ какъ!.. Ну, что же? того и стою... Пускай!

Садится на моль, свѣсивъ ноги къ морю. Альберто почти выбѣгаетъ со стороны рынка, онъ запыхался, дышетъ тяжело. Увидавъ Джулію, остановился и не рѣшается заговорить.

Джулія (обернулась). А, это ты...

Альберто. Здравствуй, Джулія.

Джулія молча киваетъ головой.

Мнѣ только-что сказали, что ты пріѣхала. Я бросилъ работу и побѣжалъ искать тебя по городу.

Джулія молчитъ, небрежно играя пальцами по камню.

Альберто. Тебѣ непріятно меня видѣть?

Джулія. Нѣтъ, ничего... все равно.

Молчаніе.

Джулія. Ты все еще у Черри?

Альберто. Все у Черри.

Джулія. Значить, опять будемъ вмѣстѣ.

Альберто. Вотъ и прекрасно, Джулія.

Джулія. Что этотъ графчикъ изъ Вѣны, все еще здѣсь?

Альберто. Что тебѣ до него, Джулія?

Молчаніе.

Джулія. Что же ты не спросишь, гдѣ я была?

Альберто. Не спрашиваю, потому что... гдѣ бы ты ни была, Джулія, я рѣшилъ забыть и простить.

Джулія. Забыть и простить... вотъ какъ! Помнится, я не просила у тебя прощенія.

Альберто. Джулія!..

Джулія. Тебѣ нечего прощать. Ты, конечно, какъ всѣ, воображаешь, будто я жила съ художникомъ? Успокойся: этого не было. Вы

правы въ одномъ: я уѣхала съ тѣмъ, чтобы такъ было. Чтобы стать его женою. Не женою, такъ любовницею... горничною его любовницы, судомойкою, собакою, только бы съ нимъ!..

Альберто. О, Боже мой!..

Джулія. Ну... онъ убѣжалъ отъ меня: чести очень. «Не люблю – и не погублю». Ха-ха-ха! рыцарь! Что говорить, благородно! Спасибо.

Альберто. О, да! спасибо ему, спасибо, Джулія!

Джулія. Убѣжалъ, какъ отъ врага. Ха-ха-ха! Ихъ, должно быть, изъ снѣга дѣлаютъ, этихъ русскихъ великановъ. Просилъ меня вернуться сюда, къ Черри. Что же? Я послушалась, вотъ она, здѣсь. Только на прощанье сказала ему, что онъ раскается, потому что я отомщу ему – онъ не ожидаетъ, какъ.

Альберто. Что ты затѣяла, Джулія?

Джулія (съ рѣзкимъ смѣхомъ). А вотъ ты увидишь... ты, да, именно ты это увидишь.

Альберто. Я тебя, Джулія, не понимаю.

Джулія. И не надо. Когда время придетъ, поймешь.

Альберто. Джулія! Я знаю: ты вернулась такою же чистою, какъ уѣхала. Зачѣмъ же это отчаяніе? зачѣмъ думать о мести? Ты знаешь, какъ я тебя люблю. Вотъ тебѣ моя рука. Прими ее и, чортъ возьми, поставимъ крестъ на всемъ прошломъ.

Джулія (*мрачно*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Альберто. Женою твоею я не буду. Я видѣла свѣтъ за это время и многое узнала. Во мнѣ есть сила, которой я сама не понимала раньше. А если бы и понимала, такъ не дала бы ей воли.

Альберто. Значить, это что-нибудь нехорошее?

Джулія. Художникъ могъ снасти меня. Я была бы сыта его любовью. Я бы ничего больше не спросила отъ жизни. Но теперь, если мнѣ не далось немного, чего я искала, я возьму себѣ все, чѣмъ веселятся и утѣшаются люди.

Альберто. Вотъ какъ!..

Джулія. Ты говоришь, вѣнскій графчикъ все еще здѣсь? и съ этой своей крашеной француженкой? Наканунѣ: какъ мнѣ уѣхать, онъ шепталъ мнѣ, что одно мое слово, и онъ пошлетъ француженку къ чорту.

Альберто. Вотъ что! вотъ что!..

Джулія. У меня будутъ брилліанты, и я буду пить шампанское за завтракомъ. Я заведу себѣ мальчишку-негра, чтобы носить за мною зонтикъ и плащъ.

Альберто. Все дастъ графчикъ?

Джулія. Онъ или другіе. Я красавица. Если меня не любитъ тотъ, кого я хочу, пусть любитъ меня, кто заплатитъ.

Альберто. Такъ, такъ. Только этого не будетъ.

Джулія. Ты помѣшаешь?

Альберто. Да, я.

Джулія. Попробуй.

Альберто. Ты думаешь, мнѣ легко было пережить стыдъ твоего бѣгства, когда всякій говорилъ о тебѣ самыя подлыя слова, самыя скверныя сплетни? Я укротилъ свое бѣшенство, я примирился со своимъ позоромъ, я принесъ тебѣ ту же любовь, что и прежде. А ты хочешь надругаться надъ собою? надо мною? Нѣтъ. Не удастся. Честь художника спасла тебя отъ одного стыда, А моя любовь спасетъ отъ другого.

Джулія (*въ гордой и дерзкой позѣ, руки въ*

бедра). Что я не буду твоею женою, я готова повторить тысячу разъ.

Альберто (*тихо и спокойно*). Тогда...

Джулія. Дуракъ, чего ты хочешь? Жены, у которой мысли будутъ всегда полны другимъ человѣкомъ, которая, если тебѣ удастся поцѣловать ее, нарочно закрываетъ глаза, чтобы думать, что цѣлуетъ тотъ, другой!

Альберто. Мое это дѣло. Если я иду на такую муку, не тебѣ меня отговаривать.

Джулія. Ты идешь, да мнѣ-то не охота. Однако, довольно, прощай, меня ждетъ старый Черри.

Смотритъ на часы, вынувъ ихъ изъ-за кушака.

Альберто. Это часы художника? Зачѣмъ они у тебя?

Джулія. Онъ подарилъ мнѣ ихъ, когда уѣзжалъ изъ Віареджіо.

Альберто (*грубо*). За что?

Джулія. Ты сейчасъ подумалъ подлость. Я никогда не прощу тебѣ этого вопроса. А еще хвалишься, что вѣришь мнѣ, что забылъ и

простилъ... Эта вещь – самое дорогое, что есть и будетъ у меня въ жизни... Смотри: вотъ, вотъ, вотъ...

Трижды цѣлуетъ часы и прячетъ ихъ за кушакъ.

Альберто (хриплымъ крикомъ). А!..

Схватился за голову, но вдругъ, опомнившись и овладѣвъ съ собою, опустилъ руки и закинулъ ихъ за спину.

Джулія. Прощай!

Альберто (все съ руками за спиною, заслонилъ ей дорогу). Не уйдешь ты...

Джулія. Зачѣмъ? Мнѣ нечего больше сказать тебѣ.

Альберто. Нечего?

Джулія. Да. Если ужъ мнѣ суждено достаться нелюбимому человѣку, такъ мнѣ нуженъ кто-нибудь и побогаче, и познатнѣе простого матроса... Пусти меня, Черри ждетъ, – будетъ сердится.

Молчаніе.

Альберто (кратко). Иди.

Отступаетъ. Когда Джулія проходитъ мимо Альберто, онъ быстро бьетъ ее ножомъ въ спину. Джулія, поднявъ обѣ руки надъ головой, одно мгновеніе судорожно ловитъ пальцами воздухъ, – потомъ, безъ крика, безъ стога, падаетъ ничкомъ. Альберто надъ тѣломъ Джуліи. Изъ глубины бѣгутъ къ нему рыбаки, съ рынка народъ, торговки.

Джулія, красавица Джулія
Зарѣзалъ! Ахъ, бѣдняжка!
Такъ я и думала!
Какъ увидала вмѣстѣ, – ну, думаю,
быть бѣдѣ!
Срамъ-то какой! Ужасъ! Разбой-
никъ!
А здорово хватилъ! На смерть!
Держи его! Вяжи убійцу!
Можетъ быть жива?
Гдѣ жива: прямо, какъ овцу, подъ
лопатку!
И крови почти нѣту развѣ ложка.
Какая молоденькая!..

Да и онъ-то давно ли вернулся со
службы?
Чѣмъ онъ ее?
Матросъ, говорите?
Эхъ, хорошей семьи сынъ!
Все изъ-за женщинъ!

Да. Куда чортъ самъ не поспѣеть, туда бабу
пошлетъ.

Сквозь толпу проталкиваются два
карабинѣра.

Альберто (бросаетъ имъ ножъ и протяги-
ваетъ руки). Вяжите!

Лештуковъ (входя). Альберто! Другъ мой!
Какъ вы могли?

Альберто (спокойно). Она хотѣла сдѣлаться
потаскушкой, синьоръ. Я не могъ допустить
ее до позора.

Карабинѣрь. Тысяча извиненій, эчелен-
ца, нельзя говорить съ арестантомъ.

Альберто. Если не брезгуете, пожмите мнѣ
руку, синьоръ. Прощайте. Спасибо. Не жалите
обо мнѣ. Все судьба.

Его уводятъ, трупъ Джуліи уносятъ впереди; толпа, шумя и волнуясь, валитъ за ними черезъ рынокъ, нѣсколько зѣвакъ приходитъ и уходятъ, оглядѣвъ мѣсто убійства.

Лештуковъ (одинъ). «Я убилъ ее, чтобы она не сдѣлалась потаскушкой».... Завидно! Онъ говорилъ, что мы съ нимъ изъ одного тѣста выльплены. Можетъ быть, тѣсто-то и одно, да дрожжи разныя. Не далъ насмѣяться надъ собою, убилъ. А я? Первое хорошее чувство въ моей гадкой, развратной жизни размѣнялось на бирюльки, я, какъ одураченный паяцъ, сыгралъ роль трагическаго героя въ водевилѣ.

3-й гудокъ парохода. На молѣ собираются отъѣзжающіе съ пароходомъ, носильщики, факторы отелей, мальчишки нищіе, комиссіонеры и просто зѣваки отчаливаетъ нѣсколько барокъ съ пассажирами и ихъ вещами. Шумно, людно, суетливо. Со стороны рынка входитъ. Маргарита Николаевна и Рехтбергъ подъ руку въ дорожныхъ костюмахъ, Берта, Амалія, Кистяковъ, Леманъ,

Франческо. Багажъ Рехтберговъ два факкино вносятъ въ барку, нанятую Леманомъ. Онъ присматриваетъ.

Маргарита Николаевна. Какой ужасъ! Я едва вѣрю. Бѣдныя!.. Здравствуйте, Дмитрій Владимировичъ. Пришли проводить друзей? Вотъ милый. Вильгельмъ, правда, онъ милый?

Рехтбергъ. Дмитрій Владимировичъ любезень, какъ всегда.

Маргарита Николаевна. И онъ убилъ ее? До самой смерти убилъ?

Кистяковъ. Да ужъ, если убилъ, то, вѣроятно, до самой смерти.

Маргарита Николаевна. Какъ страшно. И это было вѣсь? На этомъ мѣстѣ?

Лештуковъ (*становится на мѣсто, гдѣ упала Джулія*). Вотъ здѣсь. На этомъ самомъ мѣстѣ.

Берта. Ой, что это вы такъ сурово? Словно сами кого убить хотите.

Лештуковъ. Где намъ убивать.

Отходить.

Амалія. А все-таки, какъ интересно: любить и убить. Словно въ оперѣ. Не правда ли?

Берта. Вотъ вы, господа, такъ любить не умѣете!

Амалія. Ахъ, эти итальянцы!

Кистяковъ. Хотите, прррронжу?

Замахнулся на БERTУ вѣромъ, какъ кинжаломъ.

Франческо. Вьениля міа вендеетта!

Берта. Подите! Я серьезно.

Рехтбергъ. Если почтеннѣйшее общество разрѣшитъ мнѣ, я позволю мнѣ замѣтить, что упреки очаровательной Берты Ивановны нѣсколько слишкомъ романичны. Трагическіе аффекты хороши подъ этимъ яхонтовымъ небомъ, въ этой раскаленной атмосфере, среди первобытныхъ натуръ, которыя... э... э... э... которыя, конечно, весьма живописны, однако, нельзя не сознаться, что эти живописные люди полускоты, господа. Хе-хе-хе! Звѣри. Полагаю, что между дикою страстью подобнаго субъекта и любовнымъ

расположеніемъ просвѣщеннаго индивидуума...

Маргарита Николаевна (*Амалия*). Господи! какъ скучно! И слушать этихъ субъектовъ и индивидуумовъ до самаго Петербурга!

Рехтбергъ (*къ женѣ*). Вы сказали?

Маргарита Николаевна. Я – Амалия.

Рехтбергъ. Такъ вотъ-съ: есть разница. Было бы нелѣпо и дико, если бы мы, люди интеллигентные, начали драться изъ-за женщинъ, какъ какіе-то львы или тигры. Гуманность, цивилизація...

Лештуковъ. Просто не смѣемъ.

Рехтбергъ. Вы хотите сказать...

Лештуковъ. Не смѣемъ, – и все тутъ. А не смѣемъ потому, что плохо любимъ. Не женщину любимъ, А свою выдумку о женщинѣ. Да. И всѣ мы, люди интеллигентнаго дѣла, люди нервовъ и мыслительной гимнастики, такъ любимъ: на половину. Наша любовь что мертвая зыбь: она тебя измочалить, но утопить не утопить, ни счастливо на блаженный берегъ не вынесетъ. Все сверху. Вонъ, какъ эти волны... Ишь, какъ безпокойно суетятся и лижутъ сѣрые камни. А что въ нихъ? Толь-

ко, что красиво испестрили море. Волна набѣгаетъ и разбивается. Чувство приходитъ и уходитъ. Одна волна покрываетъ другую. Минуту счастья смываетъ день постыднѣйшихъ страданій. Поцѣлуй окупается подлымъ обманомъ, за полосу позора платитъ полоса наслажденія... Все волны и только волны... И когда чувство спрашиваетъ у неглупаго человѣка: «стоитъ ли?»....

Покуда, Лештуковъ говоритъ, на маринѣ нѣкоторое оживленіе: входитъ съ группою провожатыхъ депутатъ Пандольфи, очень изящно одѣтый господинъ среднихъ лѣтъ, — многіе снимаютъ передъ нимъ шляпы, онъ нѣкоторымъ дружески жметъ руку, другимъ кланяется, ему подають лодку нѣсколько параднѣе другихъ, въ рукахъ у него огромный букетъ. Джованни и Франческо подходитъ къ Пандольфи и вступаютъ съ нимъ въ почти-тельный разговоръ. Нѣсколько разъ взглянувъ въ сторону Маргариты Николаевны, Пандольфи говоритъ что-то Франческо, передаетъ ему букетъ и сходитъ въ лодку.

Берта (*Лѣману, кивая на Лештукова*). Вотъ что называется: *bonne mine Au mauvais jeu*.

Маргарита Николаевна (*Лештукову*). То неглупый человекъ отвѣчаетъ?...

Лештуковъ. Жизнь слишкомъ интересна и безъ женской любви. Не стоитъ.

Маргарита Николаевна. Если не особенно любезно, по крайней мѣрѣ, то благоразумно.

Амалия. Смотрите-ка: здѣшній депутатъ, Пандольфи.

Берта. Этотъ, чернобородый?

Кистяковъ. Ъдетъ вмѣстѣ съ вами. Онъ генуэзецъ.

Амалия. Какой у него букетъ!

Кистяковъ. Здѣшнія дамы поднесли. Здѣсь вѣдь у политическихъ мужей свои психопатки, какъ у теноровъ.

Берта. Ну, вотъ вамъ и веселый спутникъ на дорогу.

Амалия. Онъ, говорятъ, премилый, стихи пишетъ.

Маргарита Николаевна. Откуда съ нимъ знакомы наши?

Кистяковъ. Да вѣдь Франческо, какъ бѣлаго волка, всѣ знаютъ: очень ужъ парень

достопримѣчательный.

Франческо (*подноситъ Маргаритѣ Николаевнѣ букетъ*). Вашему превосходительству отъ этого превосходительства, въ знакъ наступающаго пути.

Пандольфи (*издали, въ баркѣ, снявъ шляпу, держитъ ее на отлетѣ, съ любезною и выжидательною улыбкою*).

Рехтбергъ (*недумывая*). Какъ же однако?

Кистяковъ. Примите. Это большая любезность. Вполнѣ прилично и въ обычаяхъ страны.

Леманъ. Къ тому же генеральшѣ отъ генерала. Не обидно. Вѣдь онъ поздѣшнему генералъ.

Франческо. Онореволѣ!

Рехтбергъ. Ну, прими.

Маргарита Николаевна. Да, я уже приняла. Благодарю, Франческо.

Посылаетъ любезную улыбку отплывающему Пандольфи, который, еще разъ склонивъ голову, только теперь накрывается шляпой и

садится.

Амалія. Какіе вѣжливыя эти итальянцы!

Маргарита Николаевна (*нюхаетъ букетъ*). Какая прелесть! Кажется, въ самомъ дѣлѣ, будетъ не очень скучно.

Рехтбергъ. Однако, господа...

Леманъ. Не безпокойтесь, время терпитъ. Ваша барка готова.

Берта. Я провожаю.

Амалія. И я.

Кистяковъ. А я чѣмъ же хуже другихъ?

Леманъ. Ужъ и меня захватите.

Рехтбергъ. А Дмитрій Владимировичъ?

Лештуковъ. Столько кандидатовъ, что мнѣ не остается мѣста. Разрѣшите откланяться на берегу.

Рехтбергъ. Позвольте, глубокоуважаемый Дмитрій Владимировичъ, при разлукѣ, такъ для меня и Маргариты Николаевны неожиданной, выразить вамъ чувства искреннѣйшей симпатіи и глубочайшей благодарности.

Леманъ (*Кистякову*). За пару великолѣпныхъ оленьихъ роговъ.

Рехтбергъ. За милую готовность, съ которой вы всегда дѣлили наше общество, отнимая у себя время, драгоценное для публики и потомства.

Леманъ. Загудѣла волынка!

Рехтбергъ. Вѣрьте, что минуты, проведенныя въ обществѣ вашемъ, останутся неизгладимыми въ нашей памяти. Горжусь, что имѣлъ счастье жать руку нашего извѣстнаго...

Леманъ. Вотъ оно!..

Кистяковъ. Триста два!..

Рехтбергъ. Лештукова... его смѣлую и честную творческую руку...

Лештуковъ. Равно съ моей стороны.

Рехтбергъ. Еще разъ всего хорошаго.

Маргарита Николаевна. Что же ты не пригласилъ Дмитрія Владимировича къ намъ, въ Петербургъ?

Рехтбергъ. Ахъ, милая, это твое дѣло.

Леманъ. Идите-ка, ваше превосходительство, я васъ въ лодочку подсажу, А то съ непривычки къ мореплаванію, чего добраго...

Маргарита Николаевна. Душечка, Берта!

Показываетъ глазами на мужа.

Берта. Занять? Понимаю... валяйте. Я все понимаю. Амаль...

Амалія. О, разумѣется... понимаю...

Кистяковъ. Удивительно, какъ бабы одна другую съ одного взгляда понимаютъ, А нашъ братъ своего брата умѣетъ только въ лужу сажать...

Маргарита Николаевна. Прощай, ъду...

Лештуковъ. Прощай!

Маргарита Николаевна. И ты говоришь прощай? Не-до свиданія? Увидимся въ Петербургѣ или нѣтъ?

Лештуковъ. Зачѣмъ?

Маргарита Николаевна. Ну, если — «зачѣмъ», тогда, конечно, незачѣмъ... Дмитрій! Ждать или нѣтъ?

Лештуковъ. Нѣтъ.

Маргарита Николаевна. Не стоитъ?

Лештуковъ. Да.

Маргарита Николаевна. Самому дороже?

Лештуковъ. Совѣсти дороже.

Маргарита Николаевна. Прощай... А, все-таки, я любила тебя, Дмитрій.

Лештуковъ. Можетъ быть.

Маргарита Николаевна. Прощай...

Отходить.

Боже мой!.. всѣ уже съли... одна я... ай, какъ качаетъ... Кистяковъ, да дайте же руку...

Кистяковъ. Не бойтесь, держу крѣпко, не перекинетесь.

Маргарита Николаевна. Вильгельмъ, не трогайся съ мѣста, ты опрокинешь лодку... Боже! Какая шаткая... вѣдь это ужасъ!

Леманъ. Аванти!

Лодка отплываетъ.

Разные голоса съ лодки: До свиданія, Дмитрій Владимировичъ... мы уѣхали. До свиданія!..

Рехтбергъ. До пріятнѣйшаго свиданія!

Маргарита Николаевна. Не забывайте насъ. До свиданія!..

Лештуковъ (одинъ). Волны... волны... все волны!..

КОНЕЦЪ.

Примечания

Исполнители первыхъ представленій пьесы.
Въ Москвѣ: г-жи Арсеньева (Джулія), Голубева
(Маргарита Николаевна): гг. Свѣтловъ (Рехт-
бергъ), Яковлевъ (Лештуковъ), Кригеръ
(Франческо), Долинъ (Альберте). // Въ Одессѣ,
въ томъ же порядкѣ: г-жи Юренева, Морская;
г.г. Цетипа, Багровъ, Орловъ-Съмашко,
Горѣловъ.

[^^^]